

БИБЛИОТЕЧКА «В ПОМОЩЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Е. А. Сапогова

НА ПРИВОЛЬНОЙ СТОРОНЕ

Е. А. Сапогова
НА ПРИВОЛЬНОЙ
СТОРОНЕ

№ 2

783
Н12

Музыкальный редактор **В. М. Сорокин**

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В Свердловской филармонии концерт Елены Сапоговой — зал переполнен. Сам по себе этот факт — «зал переполнен» — находится вне однозначных эмоциональных оценок. Бывают переполнены не только филармонические залы — целые стадионы. Я не буду здесь говорить о чем-то конкретном, дабы не столкнуться с привычным — «о вкусах не спорят». Убеждена, что в наиболее выразительных ситуациях это вопросы не вкуса, а вопросы состояния духа. Когда поет Лена, в концертный зал приходят люди, готовые потрудиться душой. После одного из концертов студентки горного института решили выбросить в своем общежитии все суперсовременные магнитофонные записи. Может быть, это крайность, сиюминутный порыв, но и в самом деле хочется после всех этих привольных песен — привольных, они при воле вольной, а воля вольная — это душа наша, — хочется задвинуть в угол звуковоспроизводящие машины и прислушаться к себе: а просится ли твоя душа на волю или болтается она на веревочке, за которую дергает ее то бит, то рок, то какой-нибудь новоявленный бард.

Концерт в Свердловске Елена Сапогова превратила в настоящий народный праздник. Рядом с ней на сцену вышли жители села Деево Алапаевского района — целый фольклорный коллектив — от девяностолетней старухи до шестилеток. Из Пермской области приехал гармонист Михаил Вилисов — человек, одаренный природой настолько щедро, что диву даешься: откуда у нес, у матушки, такие запасы. Пели песни парни с завода «Уралмаш» — молодые, чистые голоса и лица. Пели дети, у которых был уже свой песенный предводитель — дочь Сапоговой Василиса. И сама Сапогова — в темно-красном платье, раскинувшая рукава-крылья, и они — то ли прощальный взмах, то ли взлет души. Все у нее в ладу — с ней самой, с ее делом, с народной песней, на борьбу за которую она вышла, — и это платье, и эти слова из Даниила Заточника, которые она говорит в зал безо всякой патетики, тихо, но так, что холодно становится в груди: «Вострубим бо братие аки в златокованные трубы в разум ума своего и начнем бити в серебряные органы во известие мудрости и ударим в бубны ума своего пооще в боговдохновенные свирели. Да восплачутся в нас душеполезные помыслы!»

Я смотрю на просветленные лица тех, кто в зале, и уже знаю: и с ними начнется то же, что и со мной несколько лет назад, когда я впервые услышала Сапогову. Ее духовное поле крепко держит, не дает мелочиться, как бы

укрупняет тебя в собственных глазах, и ты начинаешь требовать от себя того, на что еще вчера, казалось, не было сил. В последние годы меня не покидает чувство медленного, но неуклонного, упрямого движения. Пришло в движение нечто глубинное, нас объединяют уже не только сиюминутные радости и огорчения... Мы углубляемся в себя, наступает эра самосознания. Когда личность готова взять на себя этот тяжкий труд — это значит, что народ как целое вышел на новые рубежи. Мы уходим в себя — и там, в собственных глубинах, находим свое прошлое, пласты древней культуры. Народ остается народом, как личность остается личностью, лишь до тех пор, пока сохраняет память.

Мы не теряли памяти, даже если иногда кому-то из нас казалось, будто без нее вполне можно обойтись. Мы никогда не теряли памяти. В перечне подтверждений тому — интерес к личности Елены Сапоговой, вернее, не интерес — больше: готовность идти вместе с ней.

М. ПИНАЕВА,
журналист

Когда меня попросили написать о народной песне, я очень растерялась, засомневалась, получится ли? О народной песне писали многие, но ведь у каждого своя песня, своя жизнь и судьба.

Моя песня началась в детские военные годы с песен-плачей вдов и матерей. Вижу свою мать, озаренную пламенем топившейся печи и то ли поющую, то ли плачущую.

Да родимый ты мой
Сыночек Шу...у...ронька,
Да сложил ты свою
Буйную го...о...ловушку.
Да какой же ты был
Ласковый да за... а... ботливый.
Да ушел ты на войну
Прокля...а...тую молодым-молодешеньким.
Да сокол ты мой сизокры...ы...лый,
Да неужто ты не мог пригнуться,
Чтобы пролетела мимо тебя пуля быстрая...

И так до тех пор, пока не просыпались от этого «пенья» мы, дети.

Сейчас, когда я сама мать и у меня растет сыночек, думаю, что каждый солдат, уходя на войну, уносил с собой песни матери. Какие это были песни? Может быть, вот эта — «Сяду я за стол да подумаю» (народный вариант стихов А. Кольцова), которую пели женщины, собравшись к нам в избу попрясть, повязать при свете керосиновой лампы, а если не было керосина — при тусклом сиянии месяца.

1. Сяду я за стол
Да подумаю —
Как на свете жить
Одинокому.

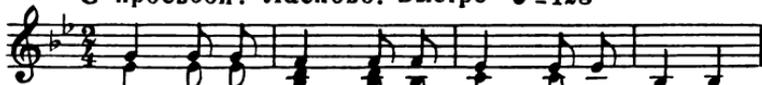
2. Как на свете жить
Одинокому.
Пойду ль, выйду ль я
В рожь высокую.
3. Пойду ль, выйду ль я
В рожь высокую —
Не шумит ли рожь
Спелым колосом.
4. Не шумит ли рожь
Спелым колосом,
Не кричит ли мил
Громким голосом.
5. Не кричит ли мил
Громким голосом.
Степь да степь кругом,
Путь далек лежит...

Протяжно. Пронзительно $\text{♩} = \text{♩} \text{♩} \text{♩}$
Говорком

1. Ся - ду я за стол да по -
- ду - ма - ю - как на све - те
жить о - ди - но - ко - му.

А может быть, «Вейся, повейся, капуста моя»?
Вейся, повейся, капуста моя, да,
Вейся, повейся, веловая моя, да.
Как мне, капустке, не витися, да,
Белой, веловой, не ломится, да?
На белу капустку дождик лил, да,
На белу, веловую частый проливал,
Частый дождик проливал,
Парень девку выбирал.

С просьбой. Ласково. Быстро $\text{♩} = 128$

1. Вей - ся, по - вей - ся, ка - пуст - ка мо - я, да,

вей - ся, по - вей - ся, ве - ло - ва - я мо - я, да.

Как мне, ка - пу - стке, не ви - ти - ся, да,

бе - ля - й, ве - ло - вой, не ло - ми - ти - ся, да?

На бе - лу ка - пу - стку до - ждик лил, да,

на бе - лу, ве - ло - ву - ю час - тый про - ли - вал, час - тый

до - ждик про - ли - вал, па - рень де - вку вы - би - рал.

Или «Выйду за ворота», которая пелась с плясом?

1. Выйду за ворота,
Погляжу далека, эх!
Погляжу далека,
Где лузья, болота.
2. Погляжу далека,
Где лузья, болота, эх!
Где лузья, болота,
Озера глубоки.
3. Во этих озерах
Живет рыба-щука, эх!
Живет рыба-щука,
Белая белуга.
4. Белая, белая,
Санечка милая, эх!
По бережку ходила,
Бел-рыбу ловила.
5. По бережку ходила,
Бел-рыбу ловила, эх!
Где бы младе сести,
Белу рыбу съести?
6. Где бы младе сести,
Белу рыбу съести, эх!
Сяду я, присяду
К зеленому саду.
7. Сяду я, присяду
К зеленому саду, эх!
Ище пересяду
На луг, на долинку.
8. Ище пересяду
На луг, на долинку, эх!
На луг, на долинку,
Дружку на тропинку.
9. Садилась на лужок,
Плела милому веноч, эх!
Не успела сплесть веночек —
Едет милый из лесочка.

10. Не успела сплесть веночек —
Едет милый из лесочка, эх!
Куды мил не едет —
Все ко мне заедет.
11. Куды мил не едет —
Все ко мне заедет, эх!
В саночки посадит.
К городу прокатит.
12. В саночки посадит,
К городу прокатит, эх!
Город — не деревня,
Самарска губерня.

Кокетливо. Весело. Скоро ♩ = 160

1. Вы_йду за во_ро_та, по_гля_

- жу да_ ле_ ка, эх! По_гля_ жу да_

_ ле_ ка, где лу_ зья, бо_ ло_ та.

Мама говорила, что все это песни ее дедушки Микиты, моего прадедушки — его я не помню. Мама рассказывает, что он уж больно любил петь. Поет, поет, бывало, пляшет, пляшет, похлопает себя по карманам да и скажет: «Пойте, пойте, у меня еще полные карманы песен!»

Иногда на концертах задают мне вопросы о чувстве Родины. У меня оно начинается именно с песен матери. Это конкретное чувство — любовь к земле, на которой родился и вырос, к людям, с которыми живешь, к нашим песням.

Народные песни надо петь и слушать, как великую поэму о жизни русского народа. И когда я слышу, что народная песня уже в прошлом, что современный человек не воспринимает ее, мне становится горько. Да разве могут быть не современные песни удивительной смоленской песенницы Аграфены Ивановны Глинкиной? Хотя бы вот эта — «А сыня, мой сыня».

1. А сына, мой сына,
Сыня мой любимый¹,
2. А кто ж тебе, сына,
Меж из трех любимей?
3. Аль теща, аль женка,
Аль родная мати?
4. — А теща мне мила,
Мила для заезда.
5. А женка мне мила,
Мила для совета.
6. Ты мне, моя мати,
Матушка родная.
7. Носила, болела,
Родила, умирала
8. И темную ночку,
Ночку не высыпала.

Или на эту же мелодию:

1. А коня мой, коня,
Коня мой воронный,
2. А что же ты, коня,
Скучный, невеселый?
3. А что тебе тяжка
Аль моя запряжка?
4. — Не тяжка, не тяжка
Мне твоя запряжка
5. А тяжка мне, тяжка
Частая запряжка.
6. А сам же ты сядешь
За тесовый столик,

¹ Вторая строчка песни поется дважды.

7. Меня ты привяжешь
За дубовый столбик.
8. Тебе, молодому,
Мед, вино не пьется.
9. А мне, вороному,
Сено не кладется.

Довольно подвижно ♩ = 126

1. А ко-ня мой, ко-ня, ко-ня мой во-
ро-ный, ко-ня мой во-ро-ный...

А кого не может тронуть вот эта песня, которую тоже пела А. Глинкина? Называется она «Горе мое, горе».

1. Горе мое, горе¹,
Горюшко большое.
2. Если б к этому горю
Родна матушка пришла.
3. Говорила б я с нею
А всю ночь до свету.
4. Посоветый мне, мати
Али тута мне жити?
5. Али тута мне жити,
Аль прочь отойтити?
6. — Живи, дочка, живи,
А как я проживала.
7. Расти, дочка, детей,
А как я узрастила.

¹ Первая строчка куплетов, кроме 11-го, повторяется дважды.

8. Ходи, дочка, в гости,
Пока матушка жива.
9. Пока матушка жива,
Дороженька мила.
10. А как матушка умрет,
Дорожка зарастет.
11. Зарастет дороженька,
Зарастет широкая
Травой-муравою,
12. Травой-муравою,
Рощей зеленою.

Довольно медленно $\text{♩} = 84$

1. Го - ре мо - е, го - ре,
го - ре мо - е, го - ре,
го - рюш - ко боль - шо - е.

Вечны и велики эти песни, как любовь матери к детям.

Помню, как в детстве в праздники собирались в нашем доме родные и пели не такие уж давние песни: «Хаз-Булат удалой», «Скакал казак через долину», «Липа вековая» — ее особенно любил мой отец, Сапогов Андрей Федорович. Умер он рано. Но как сейчас помню его склоненную седую голову, когда он начинал красивым сильным голосом: «Липа вековая над рекой шумит...» Песню подхватывали уверенные голоса родных, и она лилась, лилась бесконечно. И было мне жалко девушку, которая «спала под землею». Мама говорила, что и полюбила-то отца за песни: «Выйдет, бывало, за поет — на все село слышно!»

И сейчас, если звучит «Липа вековая» по радио, мама с гордостью говорит: «Отцова песня-то!» Стараюсь лишней

раз поставить пластинку с записью Л. А. Руслановой, которую люблю неизменно. Может быть, наше военное детство не понять без песен этой великой русской певицы. Может быть, кто-то считает ее пение самым обыкновенным, но моя душа всякий раз, когда слышу Лидию Русланову, обживается волною то ли грусти, то ли восторга.

Из родного села Бряндино Ульяновской области я уехала, когда мне было 14 лет. И где бы я после ни жила, какие бы песни ни пела, ближе тех, что слышала в детстве, все-таки не было и нет.

Несколько лет назад приехала я на гастроли в Ульяновск, где живут многие мои родственники и земляки. Конечно же, пришли на мой концерт. Как я волновалась! Днем в гостиницу позвонила Анна Алексеевна Терешина. Она была директором сельской школы, в которой я училась, и вела историю. В те поры мы благоговели перед учителями. И сейчас, когда услышала (через столько лет!) такой родной и требовательный голос, все всколыхнулось во мне, я снова почувствовала себя школьницей.

После концерта собрались дома у Елены Петровны Кругликовой — это моя любимая тетя — и пели наши песни. Не знаю, с чем можно сравнить чувство близости, единения в песне. Наверное, нет лучшего способа излить душу, почувствовать, что живешь на родной земле.

Сейчас село Бряндино, когда-то песенное, как и многие российские села, вымирает, не слышно более песен народных, умолкла гармонь. Даже после моего концерта земляки спросили, почему я пою такие древние песни, что они их уже и не помнят. Пела бы, дескать, современные...

Помню свадьбу моей старшей сестры. Были и сватанье, и прощальный день в родительском доме. Но особенно мне запомнился девичник.

В один из вечеров в нашу избу собрались подружки сестры. Шили, вязали, что-то подшивали, строчили на машинке. Поздно вечером кто-то из парней пришел с гармошкой, пели, плясали. Мне было лет десять, но я так любила петь и плясать под гармонь, что никто меня не мог переплясать. Была ужасно горда, когда говорили: «Ну и молодец, Лена, всех перепела и переплясала!» Вначале поешь частушку, а в проигрыше плясешь, дробишь.

Вот она и заиграла,
И сказала — веселись!
А у девушки с изменушки
И слезы полились.

Вот она и заиграла,
И сказала — громче пой,
А у девушки с изменушки
И голос не такой.

Что-то голосу не стало
У меня, у молодой,
Напоил меня залеточка
Холодной водой.

На гармошку новую
Накину шаль шелковую,
Если я не черноброва —
Ищи чернобровую.

Частушек до сих пор знаю очень много.

А в прощальный день, когда за сестрою приехал жених с дружками, я сидела за столом около нарядно одетой, грустной невесты и продавала ее косу-красоту, не пускала жениха за стол, пока не даст выкуп. В руках у меня была скалка, я стучала ею по столу и выкрикивала (как меня научили): «У стола четыре угла — положите четыре рубля, посередке круг — положите серебряный рубль! У моей сестрички по рублю косички, по гривеннику волосок!» Мне давали деньги, орехи, но с невестинной стороны кричали: «Мало, Лена, дали, не продешеви!» — и я опять стучала скалкой, кричала, что мало. Наконец, меня отводили от сестры, рядом сядилса жених, и начинался обряд благословения. Девушки плакали, пели грустные песни.

Потом все одевались, шли во двор, там еще раз родители благословляли молодых, сажали их в сани, и свадебный поезд ехал в дом жениха. Моя сестра вышла замуж в другую деревню, в Малую Кандалу. Что было в доме жениха, я не видела. Но то щемящее чувство, что сестра навсегда покидает наш дом, я запомнила навсегда. Долго стояли мы у забора, плакали, смотрели вслед и махали руками до тех пор, пока свадебный поезд не скрылся в заснеженных полях.

Много лет прошло с той поры, а некоторые песни помню и пою по сей день. Например, свадебную «По лугам, лугам зеленым».

1. По лугам, лугам зеленаим, да,
Разлива...алась вода вешняя.
2. Вода вешняя холодная, да,
Тут и плы...ыли три корабличка.

3. Что и первый-то корабличек, да,
Со убра...аной со постелюшкой.
4. Что и второй-то корабличек, да,
Со духа...ами, со помадою.
5. Что и третий-то корабличек, да,
Со душо...ою красной девицей.
6. Со душою красной девицей, да,
Свет Але...оною Дмитревной.
7. Вдруг отхлынули-отпрянули, да,
От круто...ого ровна бережку.
8. Тут никто не догадается, да,
Догада...алась ее матушка.
9. Закричала громким голосом, да:
«Ты дите...е ли, мое дитятко,
10. Дите милое, Алнушка, да,
Дите ми...илое-то, Дмитревна.
11. Воротися, дите милое, назад, да,
Позабы...ыла ты три вещицы в дому.
12. Что три вещи — трое золотых ключей, да,
На столе...е, столе дубоваим.
13. На столешничке шелковоим, да,
На блюде...ечке на фарфорскоим.
14. А не только трое золотых ключей, да,
Позабы...ыла волю батюшкину.
15. Позабыла негу матушкину, да,
Позабы...ыла ты девичью красоту».

Конечно, сейчас другое время, «новые песни придумала жизнь». И если иногда бываю у знакомых на свадьбе и пою свадебные песни, это уже не воспринимается так органично, как было когда-то. И не причитает невеста на современной свадьбе. Даже не знает, для чего и как это делается. А раньше считалась хорошей та невеста, которая причитать умела.

Ласково. Жалея. Умеренно ♩ = 84

1. По лу-гам, лу-гам зе-лё-на-им, да,
раз-ли-ва... а-лась во-да ве-шня-я.

Как-то в д. Кашино Богдановичского р-на Свердловской области Матрена Петровна Федотовских и Степанида Емельяновна Батакова, рассказывая о жизни и о песне, говорили, что считалась плохой свадьба, если невеста не причитала.

В 1960—1962 годах я работала в Уральском народном хоре, и была у меня подруга Галя Бубенщикова, родом из д. Чернокорово Богдановичского района. Так вот она в свои 19 лет беспокоилась, что надо учиться причитать, ведь скоро замуж выйдет... Раньше готовились к такому большому событию девушки с детских лет — шили приданое, учились причитать, колыбельные песни петь. А чтобы невеста на свадьбе плакала, ей пели грустные песни, например, «Можно познати по веселейку».

1. Можно познати
По веселейку,
Что не родная мати¹.
2. Пиво не пьяно,
Мед не солодок,
И горелка не горька.
3. Горелка не горька,
Скрипка не звонка,
Веселье не весело.
4. Кого мы найдем,
Кого мы пошлем
Да за родной матушкой?

¹ Каждый куплет песни поется дважды.

5. Пошлем, не пошлем
Соловешку
Да за родною матушкой.
6. Соловей малый
Не долетает,
Матушка сама знает!
7. — Рада бы я встати
К своему дитяти
Да порядочка дати.
8. Гробовы доски
Стиснули ножки,
Не могу протянути.
9. Мать-сыра земля
К грудям прилегла,
Не могу продохнути.
10. Желтые пески
Сыплются в глазки,
Не могу проглянути.
11. Гуляй, дитятко,
Гуляй, родное,
Веселейко без меня.

Умеренно $\text{♩} = 152$

1. Мож-но по-зна-ти по ве-се-лей-ку,
что не род-на-я ма-ти,
мож-но по-зна-ти по ве-се-лей-ку,
что не род-на-я ма- (ти).

Эта песня тоже А. И. Глинкиной, и пели ее на свадьбе невесте-сироте.

А вот эту свадебную песню записали ребята из Клуба политической песни (при Уралмаше) в Псковской области. Называется она «И береза бялая».

1. И береза бялая,
Зелена, кудрявая.
2. Зелена, кудрявая,
Край дорожки стояла,
3. Край дорожки стояла,
Без вятру шаталася.
4. Край дорожки стояла,
Без вятру шаталася.
5. — Ты куда, березушка,
Ты куда наклонилась?
6. — Ты куда, березушка,
Ты куда наклонилась?
7. — Я туда наклонилась,
Куда ветры подули.
8. — Я туда наклонилась,
Куда ветры подули.
9. — Ты куда, девячушка,
Ты куда в замуж ийдешь?
10. — Ты куда, девячушка,
Ты куда в замуж ийдешь?
- 11.— Я туда в замуж ийду,
Куда батюшка дает.
12. — Я туда в замуж ийду,
Куда батюшка дает.
13. Куда батюшка дает,
Родна матушка сулет.

14. Куда батюшка дает,
Родна матушка сулет.

15. Дает меня матери
Да боярам на руки.

16. Дает меня матери
Да боярам на руки,

17. Боярам на руки
Да Ивану навеки.

1. И бе-рё-за бя-ла-я, зе-ле-на, куд-ря-ва-я, бе-рё-за бя-ла-я, зе-ле-на, куд-ря-ва-я. Зе-ле-на куд-ря-ва-я, край до-рожки сто-я-ла. 2. Зе-ле-на куд-ря-ва-я, край до-рожки сто-я-ла.

А вот еще несколько прекрасных свадебных песен, которые я пою на своих концертах. Это песни разных областей России.

А ты, яблонька

1. А ты, яблонька, ты, кудрявая,
Ой, да люли, люли, ты, кудрявая.
2. Ах (ы), полно тебе во саду стоять,
Ой, да люли, люли, во саду стоять.
3. Во саду стоять перед грушею,
Ой, да люли, люли, перед грушею.
4. А ты год стоишь и другой стоишь,
Ой, да люли, люли, и другой стоишь.
5. А на третий год я срублю тебя,
Ой, да люли, люли, я срублю тебя.
6. Я срублю тебя вон из садику,
Ой, да люли, люли, вон из садику.

7. Ах (ы), и полно тебе, да свет Марьюшка,
Ой, да люли, люли, да Ивановна.
8. Ах (ы), и полно тебе, да свет, в девках сидеть,
Ой, да люли, люли, да свет в девках сидеть.
9. Отдадут замуж за детинушку,
Ой, да люли, люли, за детинушку.
10. За детинушку, свет Андреюшку,
Ой, да люли, люли, да свет Петровича.

1. А ты, яб - лонь-ка, ты, куд - ря - ва - я,
ой, да лю - ли, лю - ли, ты, куд - ря - ва - я.

2. Ах (ы), пол - но тебе во са - ду сто - ять...

Ой, покупайся, утушка

1. Ой, покупайся, утушка,
Покупайся,
Ох (ы), лёль, лёли, лёли,
Покупайся.
2. Ой, снаряжися, серая,
Снаряжися,
Ох (ы), лёль, лёли, лёли,
Снаряжися.
3. Ой, ну какое же мое горькое
Собиранье,
Ох (ы), лёль, лёли, лёли,
Собиранье.
4. Ох, горемычное же ты мое
Снаряжанье.
Ох (ы), лёль, лёли, лёли,
Снаряжанье.
5. Ох, моего-та селезенюшки
Дома нету,
Ох (ы), лёль, лёли, лёли,
Дома нету.

6. Ох, поплыл селезенюшка
Вдоль да по речке.
Ох (ы), лёль, лёли, лёли,
Вдоль да по речке.
7. Ох, вдоль по речке, вдоль по речке,
Вдоль да по быстрой.
Ох (ы), лёль, лёли, лёли,
Вдоль да по быстрой.
8. Ох, посулил селезенюшка
Всем да по ленте.
Ох (ы), лёль, лёли, лёли,
Всем да по ленте.
9. Ох, всем по ленте, всем по ленте,
Всем да по красной.
Ох (ы), лёль, лёли, лёли,
Всем по красной.
10. Ох, а мне-та, молодешеньке,
Голубую.
Ох (ы), лёль, лёли, лёли,
Голубую.
11. Ох, голубую, слезовую,
Вековую.
Ох (ы), лёль, лёли, лёли,
Вековую.

1. Ой, по-ку- пай- ся, у- туш- ка,
по- ку- пай- ся, ох- (ы), лёль,
лё- ли, лё- ли, по- ку- пай- ся.

Как-то на концерте в Свердловске я посетовала, что свадьбы сейчас проходят без свадебных песен, и в шутку сказала, чтобы хоть меня пригласили попеть. Через несколько дней звонок в филармонию — приглашают на свадьбу. Спрашиваю: «А вы-то знаете песни?» Отвечают, что не знают, но меня бы послушали. Вот как! И я им пела. Например, песню, записанную в селе Борисовка Ульяновской области «Что у тещеньки да зять пирует». Пели ее обычно на свадьбах жениху.

1. Что у тещен(и)ки да зять пирует (ы),
Зять пирует (ы).
2. Его тещен(и)ка да улещает(ы),
Улещает(ы).
3. Стакан пива ему да подношает (ы),
Подношает (ы).
4. — Уж ты выпей-ка, зять мой милый, да,
Зять мой милый, да.
5. Уж ты с этыва пьян не будешь, да,
Пьян не будешь, да.
6. Уж ты допьяна не напивайся, да,
Не напивайся, да.
7. Перед Оленькой не ломайся, да,
Не ломайся, да.
8. Что у Оленьки ручки белы, да,
Ручки белы, да.
9. На руках кольца золотые, да,
Золотые, да.

Умильно. Умеренно ♩ = 144

1. Что у те_щ_ен(и)_ки да зять пи_ру_ет (ы), зять пи_ру_ет (ы).

2. Е_го те_щ_ен(и)_ка да у_ле_ща_ет (ы), у_ле_ща_ет (ы).

На свадьбах и гулянках пели плясовую «Николи меня хмелина».

1. Николи¹ меня хмелина
Не разымывала.
Припев: Люли, моё люли, да,
Не разымывала.
2. А теперича меня, да,
Хмелинушка разняла.

¹ Николи — никогда.

3. Разняла меня хмелина,
Полюбил щеголь-детина.
4. Иванушка сиротина
Разожег сердце ретиво.
5. Разожег он, распалил,
Чулочками подарил.
6. Чулочками подарил,
Новы котики купил.
7. — Вы носитесь, коты,
Разбивайтесь, каблуки.
8. Не сама коты купила,
Не сама деньги платила.
9. Заплатили за коты
Молодые робыты.

Весело. С приплясом ♩=100

1. Ни-ко-ли ме-ня хме-ли-на не ра-
-зы-мы-ва-ла, лю-ли мо-
-ё, лю-ли, да, не ра-зы-мы-ва-ла.

Н. В. Гоголь когда-то говорил, что под песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек, то есть вся его жизнь связана с песней и в горе, и в радости. Мы сейчас сетуем, что наши дети слушают не ту музыку, им ближе западная эстрада, рок. Нашу родную, кровную народную песню они воспринимают как что-то чуждое, непонятное. Это страшно...

Как случилось, что песня — эта душа народа — стала нам ненужной?

Как-то один очень уважаемый товарищ с горечью сказал мне, что вот, мол, он — русский человек, а народную песню воспринимает как нечто экзотическое, а исполнители ее представляются ему людьми с острова Пасхи. Как же наши дети будут знать и любить родные русские песни, если с рождения они их не слышат. Колыбельных песен мы тоже уже не поем, не знаем. Сказки забыли. На худой конец включим проигрыватель, поставим пластинку и — слушай деточка! Механическая бабушка и сказки сказывает, и песни

поет. Отвыкают от голоса близких наши дети, отчуждаются.

Своим детям я пела «Голубеньки глазки». Откуда эта песня — не знаю. Но странно — никогда ее не забываю.

Голубеньки глазки
Сделали салазки,
Сели да поехали,
К дедушке заехали.
— Чево, деда, дела (е)шь?
— Ступу да лопату.
Ступу да лопату,
Корову горбату.
Корова-то с кошку,
Надоила с ложку.
Пора, ба (б)ушки, вставать,
Курам зернышки давать.
Куры улетели,
На сосенку сели.
Сосна обломилась,
Друга уродилась.
Шли две татарки,
Сломили по палке,
Убили ворону,
Понесли к Мирону.
У Мирона два коня,
Третья курочка ряба...

Будучи уже студенткой, спрашивала у мамы, помнит ли она колыбельные песни... «Что ты, ничё не помню, не знаю!» — отвечала она. А когда мои дети были маленькими, откуда что бралось. Пела и пела им она песни. «Мама, ты же говорила, что не помнишь ни одной». А она отвечала удивленно: «Откуда чё и беретца?» И заводила:

А ту-ту, ту-ту, ту-ту!
Себе места не найду,
Себе места не найду
Ни на печке, ни в углу.
Ни на печке, ни в углу
В посиден (ы)ки пойду.
В посиденках не сидится,
В руках дело не спорится,
Донце гнется,
Нитка рвется,

Мочка клокчется,
Прясть не хочется.
Пойду к дяде Миколаю,
На печь лягу, захвораю.
— А ты, дядя Миколай,
Самородинку дай!
— Самородинка в лесу,
Пойду схожу, принесу!

Или:

А люли, а люли,
Прилетали три гули,
Прилетали три гули,
Садилась на краюшки.
Перва гуля говорит:
— Надо кашку варить.
Друга гуля говорит:
— Надо детоньку кормить.
Третья гуля говорит:
— Надо спать уложить,
А люли, а люли,
Надо спать уложить.

А вот эту необыкновенную колыбельную записала на Урале свердловский композитор М. А. Кесарева у одной старой бабушки, которая пела ее своему внуку низким устрашающим голосом.

Люли-бай, люли-бай,
Хоть сейчас помирай.
Тягька гробик сделает
Из осиновых досок, да.
Повезем, понесем,
Закопаем в чернозем.
В черноземе-то вода
Потечет под тебя...

Этой мрачноватой песней как бы отгоняли злые силы от ребенка.

У моих знакомых, людей современных, с высшим образованием, растет внучка. В этой семье любят народные песни, поют сами, ставят пластинки с записями народных певцов. Слушая их, эта кроха, ей полтора года, берет людей за руки, как бы приглашая поплясать с ней. А когда в доме

ставят пластинку с брянскими песнями Антона Тимофеевича Капралова, она вся расцветает, и надо видеть, как она слушает. Это ли не пример того, что песню надо слушать, петь ее, чтобы любить, ведь любим мы то, что знаем.

Как-то Раиса Ивановна — учительница, у которой училась моя дочь Василиса, — попросила меня попеть с детьми, разучить с ними народные песни. Я сказала ребятам, чтобы они поспрашивали у своих родителей, какие народные песни те знают, и записали их названия на листочке. Дети принесли «народные песни» — «Лаванду», «За того парня» и др. Спрашиваю, есть ли дома пластинки с записями народных песен. Не знают. Кто же в этом виноват? Не наше ли равнодушие, пренебрежение к истории своего народа?..

Как-то летом отдыхала я со своими детьми на турбазе «Солнечный камень» — это в сказочных бажовских местах под Сысертью. Детей на турбазе было много, и вот родители попросили меня попеть им русские народные песни, былины рассказать. Я с радостью согласилась. Спрашиваю у детей, верят ли они в чудеса, есть ли в наших уральских лесах баба-Яга? Все хором радостно: «Не...е...ет!» Значит, не было у них ни кикимор, ни леших, ни домовых, ни русалок. Огорченная их ответами, спросила, как же мне быть, если они ни во что не верят? На что один находчивый мальчик ответил, что все эти лесные обитатели сейчас в Красной книге.

Мы хорошо живем материально, а вот о душе забыли. Вспоминаю слова Л. Н. Толстого, которые он записал в своем «тайном» дневнике: «Мучительно тяжело на душе, знаю, что это к добру душе, но тяжело». У меня много сердечных, трогательных песен, требующих сопереживания слушателей, и как бывает больно, когда администраторы, организаторы концертов, редакторы прямо-таки приказывают не петь грустных песен. Мол, люди пришли на концерт отдохнуть, отвлечься, развлечься. Вот и развлекают, развлекают, отвлекают нас рок-ансамбли. Приучают ни о чем не думать. Просто сидеть и дергаться в такт музыке, ощущая после концерта пустоту в душе, а часто и головную боль.

Однажды на встрече в музыкальном училище педагоги попросили меня показать студентам плачи. Во время исполнения одного из них какой-то студент прямо-таки выскочил из аудитории, а в конце подошел и сказал: «Кто вам позволил терзать наши души?» Тут уж, как видно, другая забота о душе — не толстовская.

Никто не заставлял нас учить песни народные, плачи. Это

все жило с нами. Я и сейчас, исполняя плачи, слышу голос своей матери...

Помню, как-то был страшно засушливый год в Поволжье. Травы посохли, скотине нечего было есть. Мы, дети, шли в кукурузное поле, чтобы натереть там хоть немножко выюнка-повилики, лягушатника и другой травки. Во всем было какое-то беспокойство и тоска. И вот я, дергая травку, начинала «вопить» о маме, которая была на работе в поле: ей, наверное, плохо, она устала там. Получался импровизированный плач. Сейчас вряд ли смогу это повторить. И столько было в этом моем плаче горечи и тоски, что потом долго не могла успокоиться.

Кладбище в нашей деревне находилось на горе. Надо было пройти большой овраг и подняться в гору. Если кто-то умирал, его провожали в последний путь всей деревней.

А я потихоньку уходила на могилку отца, опять и опять находила слова, чтобы выразить, как же нам трудно без тятеньки.

Говорю об этом не для того, чтобы разжалобить кого-то, а чтобы ответить на вопрос своих слушателей, где я училась петь народные песни, откуда знаю плачи.

Вот плач, который записал на Урале Л. Л. Христиансен от Ф. Ф. Погодаевой.

Да донесите-ко, да ножки резвые,
Да домашите-ко, ручки белые,
Да докачай-ко, буйна головушка,
Да до зеленой до мелкой рощицы.

Поднимитесь-ко, ветры буйные,
Нанесите-ко тучи грозные,
Тучи грозные немилостивы.

Ты раздайся-ко, мать-сыра земля,
И ты раскройся-ко, гробова доска,
Дак вы снимитесь, тонки саваны!
А разожмитесь да уста сахарны.
А уж как встань-ко ты да пробудися,
Да ты промолви-ко со мной слово ласково.
А уж я думушку пришла подумати,
А уж я тайное слово молвити
И приразмыкать свое велико горе.

А я осталася, горька-злосчастливая,
А среди я моря на острове,

А я со своими-те я малыми детоньками
 А нет ни родичкю у нас, ни племени,
 Дак нет родимого у нас батюшки.
 А он стена был у нас белокаменна,
 Дак он свеча был да воску ярова...
 А как развалилася стена белокаменна,
 А как растаяла свеча воску ярова,
 И потеряли же мы горьку потерюшку,
 Да мы родимого своего батюшка,
 А я потеряла да друга милова,
 Друга милова — его любимова!

Говорком, со слезами $\text{♩} = 72$

Да до-не-си-те-ко, да нож-ки рез-вы-е,
 да до-ма-ши-те-ко, руч-ки бе-лы-е,
 да до-ка-чай-ко, буй-на го-ло-вуш-ка,
 да до-зе-лё-ной до мел-кой ро-щи-цы.
 Под-ни-ми-тесь-ко, вет-ры буй-ны-е,
 на-не-си-те-ко ту-чи гроз-ны-е,
 ту-чи гроз-ны-е не ми-лост-ли-вы.

Муж Ф. Ф. Погодаевой умер от тяжелых ранений, полученных на фронте. Она рассказывала: «Как пойду на кладбище, еще не доходя до него, запричитаю».

А вот причет, взятый мною из книги Б. Б. Ефименковой «Северно-русская причеть» (М., 1980).

Ой тошнёшенько, я проводила милу ладу,
 Ой тошнёшенько, я на ерманьскоё полюшко,
 Ой тошнёшенько, да на защиту да Родины,
 Ой тошнёшенько, я не могла да дожидатися,
 Ой тошнёшенько, я не могла доглядетися!

Ой тошнёшенько, да мне оставил мила лада,
Ой тошнёшенько, да мне табун малых детонёк!
Ой тошнёшенько, да получил-то мила лада,
Ой тошнёшенько, себе скорую смертоньку,
Ой тошнёшенько, да он от пулюшки быстрей,
Ой тошнёшенько, не показал-то мила лада,
Ой тошнёшенько, да как мне жить, обживатисе!
Ой тошнёшенько, не пособил-то мила лада.
Ой тошнёшенько, да мне поднять малых детонёк!
Ой тошнёшенько, не научил-то мила лада,
Ой тошнёшенько, да их уму да и разуму.
Ой тошнёшенько, робить роботку тяжелую.
Ой тошнёшенько, да от тяжелой роботушки,
Ой тошнёшенько, не понесли мои ноженьки!
Ой тошнёшенько, да не берут мои ручки,
Ой тошнёшенько, да помутился-то белый свет,
Ой тошнёшенько, да во моих да ясных очах!
Ой тошнёшенько, да поднялася туча грозная,
Ой тошнёшенько, да рознесли ветры буйные,
Ой тошнёшенько, да всех сердешных-то детонёк,
Ой тошнёшенько, да по чужой дальней стороне!

На концертах стараюсь говорить о людях, народных песенниках, от которых слышала песни или о которых читала,— о М. Д. Кривополеновой и И. А. Федосовой. Вот как рассказывает о своей жизни Ирина Андреевна Федосова: «Весной скотину пасти отпускали, и я сойду, бывало, сяду в лесу на деревинку и начну плакать:

Не кокошица в сыром бору кокуе,
Это я, бедна-кручинная, тоскую.
На катушем да сижу я синем камышке,
Проливаю горьки слезы во быстру реку.

Плачу, плачу, затым и песню спою с горя:

Во тумане красно солнышко,
Оно во тумане.
Во печали красна девушка,
Во большой заботе.
Взвещивало зло ретиво,
Мне не сказало.
Сердце слышало великую
Над собой невзгоду,
Что вконец моя головушка,
Верно, погибает».

♩ = 96

(рыдает)

Ой то_ шнё... о_ шень_ ко, я

про_ во_ ди_ ла ми_ лу ла_ ду. (рыдает)

(падает)

Ой то_ шнё... о_ шень_ ко, я

(рыдает)

на ер_ ма_ ньско_ ё по_ лю_ шко,

(рыдает)

ой то_ шнё... о_ шень_ ко, да

(рыдает)

на за_ щи_ ту да Ро_ ди_ ны,

ой то_ шнё... о_ шень_ ко, я (рыдает)

не мо_ гла да до_ жа_ ти_ ся...

Конечно, нам никогда уж не спеть народную песню так, как пели наши предки. Можно выучить мелодию, слова, интонации, но глубину, душу песни не постичь, так как песня жила среди людей, помогала им в горе и в радости. А нам бы сейчас что-нибудь попроще, повеселее...

Писатель В. Шишков записывал народные песни в Сибири. Вот что он писал об одном народном исполнителе: «Его песня — сплошной стон и слезы. Но стон красивый, трогательный, музыкальный. Он вкладывает в песню всю свою душу и поражает и заражает слушателей глубиной своих переживаний. Он пел по крайней мере в присутствии двух десятков односельчан. И как все притаились и прониклись его тоской и его жалобой. Изба стала наполняться вздохами, а потом на глазах многих, и прежде всего у певца, показались слезы. Я впервые тут понял, что значит старинная русская народная песня».

А известная собирательница народных песен Евгения Линева писала: «Вся сила народной песни в свободной импровизации, заученное исполнение народной песни даже лучшими артистами никогда не может сравниться с настоящими народными исполнителями.

На стороне народных исполнителей всегда останется преимущество, которое мы можем приобрести только огромной работой над собой. Народ импровизирует песню, мы заучиваем ее по нотам. В то время как в народном исполнении песня льется непрерывной струей, у нас всегда слышно деление на такты и ноты.

Народ сказывает песню в протяжной музыкальной речи, мы поем мотив, иногда не зная слов и очень неясно произнося их. Народ любит свою песню, умиляется ею, именно умиляется,— мы снисходим к ней.

Я убеждена, что до тех пор, пока мы не вживемся в песню, как вживается каждый настоящий артист в свою роль, до тех пор наше исполнение будет слабо и бледно. Для того чтобы нам петь хорошо народные песни, нужно знать их и работать над ними, не теоретически только, и петь их, петь и петь. Нам нужно учиться их импровизировать.

Артист только тогда станет наравне, а может быть, и выситя над народным певцом, когда, подобно ему, будет во время исполнения наслаждаться песней, вкладывать в нее душу».

В 1962—1966 годах я пела в художественной самодеятельности Дома культуры г. Ревды Свердловской области. К нам пришла молодая руководительница после музыкаль-

ного училища и, не зная специфики народного пения, начала рьяно «учить» меня петь. Тот звук, которым я пела от рождения и которым поют в народе, она считала некрасивым, неправильным, непригодным для пения. Заставляла «крыть» звук, толком сама не зная, как это делается, так как была не вокалистка, а просто «чему-то» и ее в училище учили...

И вот начались мои мучения — петь «крытым» звуком я не могла, а по-старинному петь боялась. Выходило что-то под кого-то — под «Русланову», под «Зыкину». Связки уставали, часто пропадал голос.

Когда поступила в Саратовскую консерваторию ко Льву Львовичу Христиансену, он удивился, насколько я была изломана. Много затратил сил мой учитель, чтобы привести мой голос в порядок. И теперь я постоянно и много работаю, ищу нужный разговорный звук для той или другой песни. Лев Львович всегда говорил, что народную песню можно петь и не обладая хорошим голосом, главное — душу ее раскрыть. Ведь не зря же говорят, что народная песня — душа народа, его история, память, совесть. Иногда меня упрекают в чрезмерности песенного чувства. Может быть. Конечно, самое идеальное — чувство меры, золотая середина или, как говорят, «чуть-чуть». Думаю, с годами ко мне придет и это. На мой взгляд, исполнители просто обязаны общаться с народной песней бережно, осторожно, не ломая ее. А то ведь иные такое творят, что порой едва узнаешь оригинал. Справедливо недоумевал В. М. Шукшин: «Зачем обрабатывать-то народную песню?» Действительно, как можно противопоставлять себя творчеству народа, который веками оттачивал песню, лелеял, умилялся ею. А мы так спокойно и бездумно можем расправиться с ней. Не зря, видно. Ф. А. Абрамов сравнивал обработанную народную песню с подстриженным деревом.

С былинами и совсем плохо. Говорят: «Зачем нам эти сказки?» А какие же это сказки? Это — правда истинная. Жили-были богатыри на русской земле, и сейчас они есть. Если бы их не было, мы бы давно не были русичами.

Когда у М. Д. Кривополеновой спросили, правда ли то, о чем она поет, Мария Дмитриевна даже оскорбилась и сказала, что, если бы была неправда, она бы и не пела. Как-то Мария Дмитриевна попала в Третьяковскую галерею и увидела картину В. М. Васнецова «Три богатыря». Она обрадовалась, заулыбалась. «Воц,— говорит,— Илюшенька-то на меня из-под ручки выглядывает».

Только Мария Дмитриевна знала былины о заливных песельниках-скоморохах. Вот одна из них — «Вавило и скоморохи».

У честной вдовы да у Ненилы,
А у ей было чадо Вавило.
А поехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Ишша белую пшоницу засевати,
Родну матушку хочё кормити.
А ко той вдовы да ко Нениле
Пришли люди к ней веселые,
Веселые люди, не простые,
Не простые люди — скоморохи:
«Уж ты здравствуёшь, честна вдова Ненила!
У тя где чадо да ныне Вавило?» —
«А уехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Ишша белую пшоницу засевати,
Родну матушку хочё кормити».
Говорят как те ведь скоморохи:
«Мы пойдем к Вавилушку на ниву,
Он не идет ли с нами скоморошить?»
А пошли к Вавилушку на ниву:
«Уж ты здравствуёшь, чадо Вавило,
Тебе нивушка да те орати,
Ишша белая пшоница засевати,
Родна матушка тебе кормити». —
«Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи;
Вы куда пошли да по дороге?» —
«Мы пошли ведь тут да скоморошить,
Мы пошли на Инишшоё царство
Переигрывать царя Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвета,
Ишша дочь его да Перекрасу.
Ты пойдем, Вавило, с нами скоморошить».
Говорило-то чадо Вавило:
«Я ведь песен петь не умею,
Я в гудок играть не горазён».
Говорил Кузьма да со Демьяном:
«Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособит».

Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособил.
У того ведь чада у Вавила
А было в руках-то понюгальцо —
А и стало тут погудальцо.
Ишша были в руках у его да тут ведь вожжи —
Ишша стали шелковые струнки.
Ишша-то чадо да тут Вавило
Видит — люди тут да не простые,
Не простые люди те святые;
Он походит с има да скоморошить,
Он повел их да ведь домой же,
Ишша тут честна вдова да тут Ненила
Ишша стала тут да их кормити,
Понесла она хлебы те ржаные,
А и стали хлебы те пшонные;
Понесла она куру ту варену,
Ишша кура тут да ведь взлетела,
На печной столб села да запела.
Ишша та вдова да тут Ненила
Ишша видит — люди тут да не простые,
Не простые люди те — святые,
И спускат Вавило скоморошить.
А идут скоморохи по дороге,
На гумни мужик горох молотит.
«Тебе бог помощь, да ведь крестьянин,
Набело горох да молотити!» —
«Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи.
Вы куды пошли да по дороге?» —
«Мы пошли на Инишшоё царство
Переигрывать царя Собаку.
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвета,
Ишша дочь его да Перекрасу».
Говорил да тот да ведь крестьянин:
«У того царя да у Собаки
А окол двора да тын залезной,
А на каждой тут да на тычинке
По человечьей-то сидит головке;
А на трех-то ведь на тычинках
Ишша нету человечьих тут головок,
Тут и вашим-то да быть головкам». —
«Уж ты гой еси, да ты крестьянин!

Ты не мог добра нам тут ведь сдумать,
Ишша лиха ты бы нам не сказывал,
Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой, во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособит».
Полетели голубята те стадами,
А стадами тут да табунами,
Они стали у мужика горох клевати,
Он ведь стал их тут кичигами шибати;
Зашибал, он думат, голубят-то —
Зашибал да все своих ребят-то.
«Я ведь тяжко тут да согрешил ведь:
Эти люди шли да не простые,
Не простые люди те, святые,
Ишша я ведь им не молился».
А идут скоморохи по дороге,
А навстречу им-де мужик горшками торговати.
«Тебе бог помощь, да те крестьянин,
Ай, тебе горшками торговати!» —
«Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи;
Вы куды пошли да по дороге?» —
«Мы пошли на Инишшоё царство
Переигрывать царя Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвета,
Ишша дочь его да Перекрасу».
Говорил да, тут да, ведь крестьянин:
«У того царя да у Собаки
А окол двора да тын залезной,
А на каждой тут да на тычинке
По человечьей-то сидит головке;
А на трех-то ведь на тычинках
Нет человечьих да тут головок;
Тут и вашим да быть головкам». —
«Уж ты гой еси, да ты крестьянин!
Ты не мог добра да нам ведь сдумать —
Ишша лиха ты бы нам не сказывал.
Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособит».
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособил —
Полетели куропки с ребрами,

Полетели пеструхи с чухарями,
Полетели марьюхи с косачами,
Ишша стали мужику-то по оглоблям садиться.
Он ведь стал тут их да бити
И во свой ведь воз да класти.
А поехал мужик да в городочек,
Становился он да во рядочек,
Развязал да он да свой возочек,—
Полетели куропки с ребрами,
Полетели пеструхи с чухарями,
Полетели марьюхи с косачами.
Посмотрел во своем-то он возочку —
Ишша тут у его одны да черепочки.
«Ой, я тяжко тут да согрешил ведь:
Это люди шли да не простые,
Не простые люди те — святые,
Ишша я ведь им, гой, не молился».
А идут скоморохи по дороге,
Ишша красная да тут девица,
А она холсты да полоскала.
«Уж ты здравствуёшь, красна девица,
Набело холсты да полоскати!» —
«Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи.
Вы куды пошли да по дороге?» —
«Мы пошли на Инишшоё царство
Переигрывать царя Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвета,
Ишша дочь его да Перекрасу».
Говорила красная девица:
«Пособи вам бог переиграти
И того царя да вам Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвета,
А и дочь его да Перекрасу». —
«Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособит».
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатой во переладец
А Кузьма с Демьяном приспособил —
А у той у красной у девицы,
А были у ей холсты ти ведь холщовы —
Ишша стали шёлковы да атласны.

Говорит как красная девица:
 «Тут люди шли да не простые,
 Не простые люди те — святые,
 Ишша я ведь им да не молилась».
 А идут скоморохи по дороге,
 А идут на Инишшоё царство.
 Заиграл да тут да царь Собака,
 Заиграл Собака во гудочек,
 А во звончатой во переладец —
 Ишша стала вода да прибывати,
 Ишша хочё водой их потопити.
 «Заиграй, Вавило, во гудочек,
 А во звончатой во переладец,
 А Кузьма с Демьяном приспособит».
 Заиграл Вавило во гудочек,
 А во звончатой во переладец,
 А Кузьма с Демьяном приспособил —
 И пошли быки те тут стадами,
 А стадами тут да табунами,
 Ишша стали воду да упивати,
 Ишша стала вода да убывати.
 «Заиграй, Вавило, во гудочек,
 А во звончатой во переладец,
 А Кузьма с Демьяном приспособит».
 Заиграл Вавило во гудочек,
 А во звончатой во переладец,
 А Кузьма с Демьяном приспособил —
 Загорелось Инишшоё царство
 И сгорело с краю и до краю.
 Посадили тут Вавилушка на царство,
 Он привез ведь тут да свою мать.

♩ = 104

1. У честной воды да у Нели.
 2. А у ей было чадо Вавило.
 3. А поехал Вавилушка на ниву
 4. Он ведь нишушку свою орати...

А в наше время разве нет богатырей? А Иван Данилович Самойлов из Алапаевска? Это ли не богатырь Иванушка...

И роста-то он не богатырского, и здоровьем-силушкой не хвастается, стал похварывать частенько, войну страшную на своих плечах вынес. Но какой памятник из праха поднял в деревне Нижняя Синячиха! Стоит, красуется на много верст изумительный храм, в котором Иван Данилович со своей верной помощницей, женой Анной Ивановной, организовал музей. И есть там уникальный раздел уральской росписи по дереву. У них не бывает ни выходных, ни праздников. Все торопится Иван Данилович оставить нам память о наших предках. То крестьянский дом XVII века нашел в далекой глуши и его надо было перенести по бревнышку, то уникальную часовенку. Сейчас уже у Ивана Даниловича музей под открытым небом. О вас, дорогой Иван Данилович, о таких вот чудо-богатырях и создаются былины, о Терентии Семеновиче Мальцеве — народном академике, с болью и трепетом относящемся к земле-матушке. Можно называть без конца этих удивительных, негибавших людей, на которых держится матушка Русь.

А былина про Добрынюшку? Да разве это сказка, как иногда мне говорят? Всякий раз, когда рассказываю ее, сердце волнуется. Ведь она о том, как мать сыночка своего провожает. Это и моя мать, и тысячи других провожали и провожают на страшную войну своих родимых.

Как-то меня попросили спеть ребятам, которых призывали в армию. Вначале выступали эстрадные ансамбли, звучали современные ритмы, близкие молодежи. И вот полился древний, забытый напев «Сряжал(ы)ся Добрынюшка во чисто поле». Как бы о них, этих ребятах, рассказывала былина, как бы современная женщина-мать провожала свое чадо милое служить Родине, народу. Вначале ребята покровительственно, иронично улыбались наивным словам и мелодии, но потом они все поняли, все! Я видела их глаза, чувствовала движение их душ навстречу древней песне. И действительно — не вина наша, а беда в том, что оторвались мы от своих корней, от своих песен и былин. Напомню слова былины «Добрыня и змей» (из сб. «Песенный фольклор Мезени». — Л., 1967).

Сряжал(ы)ся Доб(ы)рынюшка во чисто поле,
Сподоблял(ы)ся Микитич да во роз(ы)дольцо.
Он просил(ы) тут у маменьки божие да благословеньцо.
Тут давала ему матушка, слезно плакала,
Она же тут Добрынюшке наказывала:
«Ты поедешь, моё дитяtko, по чисто полю,
По тому же ты раздольицу широкому,

Не купайся ты ведь, дитяtko, во Неплыни-реки:
 Во Неплыни-то реки там есть уж три струи,
 Отнесут тебя, дитяtko, во синё морё,
 Все за горы ти тебя да за Пещёрские,
 Как за ти же пески хрестосыпучие».

Тут поехал Добрынюшка по чисту полю,
 По тому же по раздольицу широкому.
 Тут Добрынюшке Микитичу приспотелось,
 Покупаться тут ёму да захотелось,
 Не исполнил он тут мамина благословеньица,
 Стал купаться тут Добрынюшка во Неплыни-реки.
 Во Неплыни-то реки тут было три струи,
 Было три-то тут струи, да все они относиливы.
 Отнесли они Добрынюшку за синё морё,
 Что за те же за горы да за Пещёрские.
 Надлетало тут змеишо семиглавоё:
 «Уж ты хошь ли, Добрынюшка, я тебя живком сглону,
 Я живком тебя сглону, да крылом захвостну?»
 «Уж ты ой еси, змеишо семиглавоё,
 Уж ты дай-ко мне повыплыть да на суху землю,
 Мне к земле-то мне ко к матушке приклонитися,
 Мне-ка с белым светом да распротитися».

Тут повыплыл Добрынюшка на суху землю,
 Он и сложил свою шляпочку землянистую,
 Землянистую шляпу до сорока пудов.
 Он кладет тут песку хрестосыпучего.
 Надлетало тут змеишо да семиглавоё,
 Он махнул этой шляпой да землянистою,
 Он убил ей тут змея да семиглавого.
 «Уж ты рано, змеишо, рано хвастало,
 Уж ты рано, змеишо, похвалялося».

(Ишь, он хотел-его живком сглонуть, а как вот и Добрыня-то его шляпой-то этой махнул да убил! Рано, говорит, хвастало, да рано похвалялося!)

♩ = 96

Сря - жал(ы)ся Доб(ы) рынюш-ка во чис - то по-ле,

спо-доб - лял(ы)ся Ми-ки-тич да во роз(ы) - до - ль-и-цо.

Он про-сил(ы) тут у ма-меньки бо-жи-ё да благо-сло. ве-нь - и-цо.

Не могу отказать себе в удовольствии привести еще одну былинку — «Терентий и скоморохи». Сколькo в ней неподдельного юмора, какaя наблюдательность и тонкость, какoе богатство языка! Вот послушайте!

Во стольном Нове-городе
Было в улице во Юрьевской,
В слободе было Терентьевской,
А жил-был богатой гость
А и по имени Терен(и)тишша.
У него двор на целой версте,
А кругом двора — желез(ы)ной тын.
На тынинке по маковке,
А и есть по земчуженке,
Ворота были вальящетые,
Верей хрустальные,
Подворотина — рыбий зуб.
Среди двора гридня стоит,
Пóкрыта — седых бобров,
Поголок — черных соболей,
А и матица-та валженная,
Была печка муравленая,
Середа была кирпичная,
А на среди кроватка стоит,
Да кровать слоновых костей,
На кровати перина лежит,
На перине зголовье лежит,
На зголовье молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она с вечера трудна-больна,
Со полуночи недужна вся:
Раходился недуг в голове,
Разыгрался утин в хребте,
Пустился недуг к сердцу.

Говорила молода жена
Авдотья Ивановна:
«А и гой еси, богатой гость,
И по имени Терентишша,
Возьми мои золоты ключи,
Отмыкай окован сундук,
Вынимай денег сто рублёв
Ты поди дохтуров добывай,
Волхи-та спрашивати».

А втапоры Терентишша,
Он жены своей слушался,
И жену-та во любви держал.
Он взял золоты ее ключи,
Отмыкал окован сундук,
Вынимал денег сто рублёв
И пошел дохтуров добывать.
Он будет, Терентишша,
У честна креста Здвиженья,
У жива моста Калинова,
Встречу Терентишшу
Веселые скоморохи.
Скоморохи — люди вежливые,
Скоморохи очестливые.

Об ручку Терентию челом:
«Ты здравствуй, богатой гость,
И по имену Терентишша.
И доселева-та слыхом не слыхать,
И доселева видом не видать,
А и ноне ты, Терентишша,
А и бродишь по чисту полю,
Что корова заблудящая,
Что ворона залетящая!»
А и на то-та он не сердится,
Говорит им Терентишша:
«Ай вы гой, скоморохи-молодцы!
Что не сам я, Терентей, зашел,
И не конь-та богатова завез,
Завела нужда-бедность.
У мене есть молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она с вечера трудна-больна,
Со полуночи недужна вся:
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин в хребте,
Пустился недуг к сердцу.
А кто бы-де недугам пособил,
Кто недуги бы прочь отгонил
От моей молодой жены,
От Авдотьи Ивановны,
Тому дам денег сто рублёв
Без единыя денежки».

Веселые молодцы догадалися,
Друг на друга оглянулися,

А сами усмехнулись:
«Ай ты гой еси, Терентишша,
Ты нам что за труды заплатишь?» —
«Вот вам даю сто рублей!»
Повели его, Терентишша,
По славному Нову-городу,
Завели его, Терентишша,
Во тот во темной ряд,
А купили шелковый мех,
Дали два гроша мешок,
Пошли оне во червлёной ряд
Да купили червлёной вяз,
А и дубину ременчатую,
Половина свинцу налита,
Дали за нее десять алтын.
Посадили Терентишша
Во тот шелковый мех,
Мехоноша на плеча взял.
Пошли оне, скоморохи,
Ко Терентьеву ко двору.
Молода жена опасливая
В окошечко выглянула:
«Ай вы гой еси, веселые молодцы,
Вы к чему на двор идете,
Что хозяина в доме нет?»

Говорят веселые молодцы:
«А и гой еси, молодая жена
Авдотья Ивановна,
А и мы тебе челобитье несем
От гостя богатова,
И по имени Терентишша!»
И она спохватилась за то:
«Ай вы гой еси, веселые молодцы,
А и где его видели,
А где про его слышали?»

Отвечают веселые молодцы:
«А и мы его слышали,
Сами доподлинно видели
У честна креста Здвиженья,
У жива моста Калинова,
Голова по себе его лежит,
И вороны его клюют».

Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
«Веселые скоморохи!
Вы подите во светлую гридню,
Садитесь на лавочки,
Поиграйте во гусельцы
И пропойте-ка песенку
Про гостя богатого,
Про стара мужа Терентишша,
Во дому бы его век не видать!»

Веселые скоморохи
Садились на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Запели оне песенку:
«Слушай, шелковой мех
Мехоноша за плечами,
А слушай, Терентий-гость,
Что про тебя говорят —
Говорит молодая жена
Авдотья Ивановна.
Про стара мужа Терентишша,
Во дому бы его век не видать!
Шевелись, шелковой мех
Мехоноша за плечами,
Вставай-ка, Терентишша,
Лечить молодую жену.
Бери червлёной вяз,
Ты дубину ременчатую,
Походи-ка, Терентишша,
По своей светлой гридни
И по середи кирпичетой,
Ко занавесу белому,
Ко кровати слоновых костей,
Ко перине ко пуховья,
А лечи-ка ты, Терентишша,
А лечи-ка ты молоду жену
Авдотью Ивановну!»

Вставал же Терентишша,
Ухватил червлёной вяз,
А дубину ременчатую,
Половина свинцу налита,
Походил он, Терентишша,
По своей светлой гридне

За занавесу белую
Ко кровати слоновых костей.
Он стал молодую жену лечить,
Авдотью Ивановну:
Шлык с головы у нее сшиб,
Посмотрит Терентишша
На кровать слоновых костей,
На перину на пуховую —
А недуг-ат пошевеливается
Под одеялом соболиным.
Он-та, Терентишша,
Недуга-та вон прогнал
Что дубиною ременчатою.
А недуг-ат непутем в окошко скочил,
Чуть головы не сломил,
На карачках ползает,
Едва от окна отполз,
Он оставил, недужища,
Кафтан хрущатой камки,
Камзол баберековой,
А и денег пятьсот рублёв.
Втапоры Терентишша
Дал еще веселым
Другое сто рублёв
За правду великую.

А вот уже не былина, а историческая песня времен татаро-монгольского нашествия. Называется она «Как за речкою, да за Дарьею»

Как за речкою,
Да за Дарьею
Злы татарове
Дуван дуванили.

На дуваньище
Доставалася,
Доставалася
Теща зятю.

Вот повез тещу зять
Во дикую степь,
Во дикую степь
К молодой жене.

Подвижно, но не торопясь

Во стольном Но_ве_ го_ ро_ де,
бы_ ло в у_ ли_ це во Юрь_ ев_ ской,
В сло_ бо_ де бы_ ло Те_ рен_ тьев_ ской,
а и жил_ был бо_ га_ той гость
а по и_ ме_ ни Те_ ре_ н(и)_ тиш_ ша,
У не_ го двор на це_ лой вер_ сте.
А кру_ гом дво_ ра_ же_ ле_ з(ы)_ ной тын.
На ты_ нин_ ки, по ма_ ков_ ке...

«Ну вот, жена,
Те работница,
С Руси русская
Полоняночка.

Ты заставь ее
Три дела делати:
Первое дело —
Куделю прясть.

Другое дело —
Лебедей стеречь,
А и третье дело —
Дитю качать».

Полоняночка
С Руси русская,
Она глазками
Лебедей стережет,

А ручками
Кудель прядет,
А ножками
Колыбель колышет.

Ох, качает дитя,
Прибаюкивает:
«Ты баю, баю,
Боярский сын!

Ты по батюшке
Зол татарчоночек,
А по матушке
Ты русеночек.

Ведь твоя-то мать
Мне родная дочь,
Семи лет она
Во полон взята.

На правой груди
В ней есть родинка,
На левой ноге
Нет мизинчика!»

Услыхали то
Девки сenny(е)я,
Прибежали оне
К своей барыне.

Что стучит, горючит
И дрожа дрожит? —
По сеням бежит
Дочка к матери.

Дочка к матери
Повалилася,
Повалилася
Во резвы ноги.

«Государыня,
Моя матушка,
Не спознала я
Тебя, родную.

Ты бери ключи,
Ключи золоты,
Отпирай ларцы,
Ларцы кованы.

Ты бери казны,
Сколько надобно,
Ты ступай-ко, мать,
Во конюшеньку.

Ты бери коня,
Что есть лучшего.
Ты беги, беги, мать,
На святую Русь».

«Не поеду я
На святую Русь,
Я с тобой, дитя,
Не расстануся».

А вот песня уральских казаков «Сон Разина», которую я часто исполняю на своих концертах.

1. Ой, не вечер, то ли не вечер,
Мне малым-мало спалось,

Неторопливо

Как за реч_ко_ю, да за Дарь_е_ю злы та_та_ ро_ве ду_ван ду_ва_ни_ли.
 На ду_вань_и_ще дос_та_ва_ла_ся, дос_та_ва_ла_ся тё_ща зя_тлю.

Во сне виделось,
 Ой, мне малым-мало спалось,
 Во сне виделось,
 Ой, будто конь мой вороной
 Разыгрался подо мной.

2. Ой, разыгрался, расплясался } (2 раза)
 Под удалым молодцом.
3. Ой, налетали ветры буйны
 Со восточной стороны,
 Ой, сорывали-то черну шапку
 С моей буйной головы.
4. Ой, сорывали черну шапку
 С моей буйной головы.
 Ой, отрывался лук звончатый
 Со могучего плеча.
5. Ой, рассыпались каленые стрелы
 По сырой мати-земле.
 Ой, да и кто бы мне этот сон
 Разгадал бы он?
6. Ой, есаулушка был догадлив,
 Есаул тот сон все рассуживал:
 «Степанушка ты наш, Тимофеевич,
 По прозванью Разин сын.
7. Сопадала у тебя
 Шапка черна с головы —

Пропадет твоя
Буйная головушка.

8. Оторвался лук звончатый —
Быть повешену мне,
Есаулушке-то, мне
Ой ли, быть повешену».

Умеренно

1. Ой, не ве- чор, то ли не ве- чор, мне ма-
лым- ма- ло спа- лось, ой, мне ма- лым- ма-
ло спа- лось, во сне ви- де- ло- ся,
ой, мне ма- лым- ма- ло спа- ло- сь, во сне
ви- де- ло- ся, ой, буд-то конь мой
во- ро- ной ра- зы- грал-ся по- до мной.

Осенью 1986 года Свердловская филармония поехала с отчетными концертами в Москву. У меня было много интересных творческих встреч. В редакции журнала «Наш современник» ко мне подошел Николай Никифорович Шантаренков и сказал, что хочет показать магнитофонные записи народных песен. Что за песни то были в маленькой комнатке в центре шумной Москвы! Песне было тесно, неуютно. А сильный голос женщины звал, уводил в какой-то совершенно другой мир — мир природы. Пела мать Николая Никифоровича — Соломония Григорьевна. Он не спешил, думал, успеет еще записать множество маминых песен. Но... опоздал. Мы всегда опаздываем, всегда не спешим. А надо. Соломонии Григорьевны уже нет. А песни ее потря-

сают. Образы настолько неповторимы, исполнение покоряет своей простотой, сердечностью и какой-то великой мудростью, которая приходит с годами прожитой жизни. И какой жизни!

Вот что писал позже Николай Никифорович в письме ко мне о своей маме.

Соломония Григорьевна Шантаренкова родилась в деревне Уймовка Монастырщенского уезда Смоленской губернии 1 августа 1904 года в крестьянской семье. В детстве тянулась к учебе, к грамоте. Но проучиться удалось ей всего два класса в церковноприходской школе; нужно было, чтобы родители привозили зимой дрова для отопления помещения школы, а отец мамы на третью зиму почему-то не мог этого сделать, и школу пришлось бросить. Мама плакала, но что поделаешь?..

С младенческих лет любила петь, знала весь песенный фольклор своей местности. Обладая красивым, необычайной силы голосом, она была непременной участницей всевозможных вечеринок, хороводов, игрищ, свадебных и других обрядов.

Это был человек редкостной доброты, жертвенности, простоты, бескорыстия и отзывчивости. К ней шли люди со своими болями, бедами, горестями, ей открывали и изливали душу, перед ней исповедовались. Она как-то умела располагать к себе людей, и они к ней тянулись всегда, в том числе и молодежь. В годы войны через нашу деревню прошли тысячи беженцев, нищих и обездоленных. Всегда находили они у нее приют, тепло и краюшку хлеба.

Соломония Григорьевна знала множество заговоров, плачей, причетов, вошедших в ее жизнь как неотъемлемая часть того старинного быта. Привожу одну из ее песен — «Калечушка маё».

1. Калечушка маё, сярдечушка маё,
Калечушка маё, сярдечушка ма...
2. Приходи да мяне, говори со мною,
Приходи да мяне, говори со мно...
3. Ци мяне ты любишь аль с другой ты ходишь?
Ци мяне ты любишь аль с другой ты хо...
4. Аль с другой ты ходишь, про мяне гаворишь,
Аль с другой ты ходишь, про мяне гаво...
5. Про мяне гаворишь, мяне осуждаешь,
Про мяне гаворишь, мяне осужда...
6. «Ня бойся, милая, ня бойсь, дорогая,
Ня бойся, милая, ня бойсь, дорога...

7. Никто нас с тобою вовек не разлучит,
 Никто нас с тобою вовек не разлу...
 8. Ни бог, ни громада, ни добрая рада,
 Ни бог, ни громада, ни добрая ра...»

$\text{♩} = 60$

1. Ка_ле_чуш_ка ма_ё, сяр_де_чуш_ка ма_ё,
 ка_ле_чуш_ка ма_ё, сяр_де_чуш_ка ма...
 при_хо_ди до мя_не, го_во_ри со мно_ю,
 при_хо_ди до мя_не, го_во_ри со мно...

Для наших матерей песня была жизнью. Мы же, чего греха таить, часто на эстраде не жизнь, а себя показываем в песне, собой любимемся, а не песней.

Как-то на гастролях я попала на концерт одной рок-группы: молодой, весь в блестках с дымными подсветками мальчик-певец, подпрыгивая и резко выбрасывая к нам, зрителям, руки, устрашающе внушал: «Мы роботы! Роботы! Роботы!»

Ну, а коль роботы, то как тут понять язык наших предков?

Не спеть и мне так, как пели М. Д. Кривополенова, И. А. Федосова, А. И. Глинкина, С. Г. Шантаренкова, О. В. Трушина, О. Ф. Сергеева, мама моя — Ольга Леонтьевна и тысячи безвестных хранителей нашей великой духовной культуры, которую мы так беспамятно топчем. Но я пытаюсь.

И песня моя опять уносит меня в детство.

Ранней весной, когда начинало пригревать солнышко и капли заводили свою радостную песню, мы, дети, ждали праздника прилета птиц. В один из таких дней в деревне пекли из теста жаворонков — изображение птиц с резным хвостом, крылышками и глазками. С ними мы шли на зады —

так называлось место в конце огородов, садились на забор из жердей и громко призывали, заклинали птиц:

Жаворонок-дуда,
Прилети к нам сюда,
Нам зима-то надоела,
Всю соломушку поела,
И сенцо и бренцо,
Золотое кольцо.
Принеси ты нам
И соху, и борону,
И зеленую траву.

А вот и близкая к этой теме песня Брянской области, которую я часто пою в концертах. Называется она «Благослови, мати».

1. Благослови, мати,
Весну выкликати.
Рано! Рано!
Весну выкликати.
2. Весну выкликати,
Зиму провожати.
Рано! Рано!
Зиму провожати.
3. Зимочка в возочек,
Летичко в таночек.
Рано! Рано!
Летичко в таночек.
4. Девочки сидели,
Венки завивали
Рано! Рано!
Венки завивали.
5. Венки завивали,
Зиму провожали.
Рано! Рано!
Зиму провожали.
6. Зиму провожали,
Весну выкликали.
Рано! Рано!
Весну выкликали.

В такие дни утром просыпаешься с чувством ожидания чего-то большого, светлого. Вскоре начинал таять снег. Копали в талом снегу лунки. Выберешь квадратик снега, и появится чистая как слеза вода. Черпаешь ковшиком в

ведро и радуешься, сколько же воды кругом! Вода — большая в наших степных краях редкость. Речки нет, только глубокие-глубокие колодцы, из которых воду достаешь лейкой. Смотришь в колодец, а вода еле виднеется маленьким-маленьким озерком; к нему сбегаются, как жилочки, тоненькие ручейки. Сидишь и ждешь, когда накопится побольше. А тут вокруг сразу столько воды!

Было в нашей деревне русло высохшей речки. Никто из старожилов не знал, была ли она когда и как называлась. Но весной, в половодье, туда сбегалось множество ручьев, и старое русло снова становилось рекой. Вечерами все село — и стар и млад — собирались туда, жгли костры из навоза с соломой, пускали горящие кизяки в бурный поток и долго провожали глазами эти огоньки. Было много песен, шуток, смеха.

До конца зимы скотине не всегда хватало корма, и поэтому все с нетерпением ждали прихода весны. Зимой мама брала большие санки, и мы с ней ехали в поле искать под снегом оставшуюся с осени солому. Снег глубокий, проваливаешься по пояс, очень тяжело. А тем более если на санках солома. А когда появлялись первые проталинки, с радостью выводили туда ягнят, телят, и — начинались игры — «гори, гори ясно», «ручеек», «клек». В клек играли так: на кирпич клали доску, на доску — круглую небольшую чурочку, отходили на определенное расстояние и палкой сбивали ее. Это разновидность игры в городки, у нас она называлась — клек.

В «гори, гори ясно» играют так. Выбирается ведущий. Играющие встают парами друг за другом. Ведущий стоит впереди, спиной к играющим. Все поют:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло,
Глянь на небо —
Птички летят,
Колокольчики звенят.
Раз, два три!
Последняя пара — беги!

Последняя пара разбегается в стороны, стремясь соединиться впереди стоящих, а ведущий догоняет их. Если никого не поймает, снова водит, если кого поймал, тот становится ведущим, и игра продолжается.

В 11—13 лет нам хотелось быть взрослыми. Надевали что-нибудь из одежды взрослых, собирались подружки,

садились на бревнышки за домом, пели песни. Особенно в те поры пелось много волжских страданий.

Разлилась Волга широко,
Милый мой теперь далеко.
Ветерочек парус клонит,
От разлуки сердце стонет.
Весной Волга разольется —
Трудно Волгу переплыть,
Если миленький не любит,
Ох, трудно милого любить и т. д.

Лес от нашего села был за 4 километра, и вот в начале июня, на троицу, из леса приносили медуницу, шкерду, песточки — полевой хвощ. Все это мы, дети, ели. Перед некоторыми домами ставили березку. Избы изнутри тоже украшали веточками, цветами. Люди надевали свои лучшие наряды и веселились у березок. Нет, древних песен уже никто не знал. Пели:

Александровска береза
Среди Кремля стояла.
Она листьями шумела,
Золотым венцом веяла.

А больше пели частушки:

Скоро, скоро троица,
Земля травой покроется,
Скоро миленький приедет,
Сердце успокоится.

В лесу ландыши спели,
По всему лесу духи,
Мы с миленьким расставались,
Когда пели петухи.

Незабудочка-цветочек,
Незабудочка-трава,
Не забудь меня, мой милый,
Не забуду я тебя.

Кабы знала — не срывала
Земляничку с краюшку.
Кабы знала — не влюблялась
В такого зазнаюшку.

Помню все платьица, какие у меня были в детстве. Было то их мало. Летом как-то сдала лекарственные травы в медпункт и на вырученные деньги купила немного ситчику голубого с белым горошком, сама сшила себе сарафан. Взрослые на праздник вытаскивали из сундуков такие платки, что в глазах сияло от их красоты. Они были старинными, еще от бабушек и прабабушек. Сейчас такие платки можно увидеть только в музеях.

У нас дома стоял большой-большой сундук, кованный тонким кружевным железом. И когда мама, бывало, открывала его и начинала перекладывать вещи, я любила смотреть, что там хранилось. Был у мамы такой материал — белый батист с редко расположенными по нему колосками и васильками. У меня дух захватывало всегда, когда видела его. Потом мама сшила из него платья моим старшим сестрам, а я в семье была последним ребенком и носила только то, что останется.

Все мои братья хорошо играли на гармошке. И вот вечерами около нашего дома всегда собиралась молодежь. Кто сидел на бревнах, кто табуретки приносил, кто — лавки. Земля перед домом, где проходили вечерки, вытаптывалась, образовывался пятачок. В послевоенные годы много еще было молодежи в селе. Как пели, плясали люди в это трудное и прекрасное время! Было много вдов, сирот, но народ и в печали умел веселиться.

На летних каникулах мы, дети, ходили со взрослыми пропалывать хлеба. Идешь босиком по теплой росистой земле, солнышко светит, ветер перекачивает волны зеленоющей ржи, жаворонки заливаются в голубой лазури, и песня сама просится из сердца. Сейчас, когда пою песню «Весна красна», вижу наши дали безбрежные, изумрудную зелень полей и лугов.

1. Весна красна,
Теплое летоце,

- Ой, лёли, лёли,
Теплое летице!
2. Лето теплое,
Зима холодная,
Ой, лёли, лёли,
Зима холодная!
3. Зароди, боже,
Жито густоё,
Ой, лёли, лёли,
Жито густоё!
4. Жито густоё,
Колосистоё,
Ой, лёли, лёли,
Колосистоё!

Не скоро

1. Вес_на крас_на, теп_ло_е ле_ти_це,
ой, лё_ли, лё_ли, тёп_ло_е ле_ти_це!

2. Ле_то тёп_ло_е, зи_ма хо_лод_на_я.
Ой, лё_ли, лё_ли, зи_ма хо_лод_на_я!

3. За_ро_ди, бо_же, жи_то гу_сто_ё!..
4. Жи_то гу_сто_е, ко_ло_си_сто_ё.

Ой, лё_ли, лё_ли, жи_то гу_сто_ё!..
Ой, лё_ли, лё_ли, ко_ло_си_сто_ё!

В июне, когда расцветала липа, ехали на заготовку липовых веников на зиму для овец. И тут не обходилось без песен. На девичниках и вечерках пели, например, игровую «Тонка, жестка липина».

1. Тонка, жестка липина¹,
Липина, липина.
2. Кто по липине ходил,
Ходил, да, ходил, да?
3. За собой Машу водил,
Водил, да, водил, да.
4. Ой водил, выпрашивал,
Спрашивал, спрашивал.
5. «Что те, Маша, цены нет,
Цены нет, цены нет?»
6. «А что девки дороги,
Дороги, дороги.
7. А ребята дешевы,
Дешевы, дешевы».

Ласково. Сдержанно ♩ = 124

1. Тон_ка, жест_ка ли_пи_на, тон_ка, жест_ка ли_пи_на,
ли_пи_на, ли_пи_на, ли_пи_на, ли_пи_на, ли_пи_на, ли_пи_на,
ли_пи_на, ли_пи_на, ли_пи_на, ли_пи_на.
2. Кто по ли_пи_не хо_дил, кто по ли_пи_не хо_дил,
хо_дил, да, хо_дил, да, хо_дил, да, хо_дил, да?

Летом, когда долго не было дождя, дети начинали такую закличку:

Дождик, дождик, пуще,
Дам тебе я гущи,
Гуща пролилася,
Туча разлилася.

Ну, и чтобы дождь перестал:

Дождик, дождик перестань,
Я поеду на росстань,

¹ Каждый куплет повторяется дважды.

Богу молиться,
Кресту поклониться,
Я у бога сирота,
Отворяла ворота
Ключиком-замочиком
Шелковым платочиком.

После дождя носились по лужам босиком. Бывали мокрые, грязные, но счастливые, хотя дома потом доставалось и руки, ноги были в цыпках.

А на задах, за огородами, в траве через короткое время появлялись душистые, упругие опята. Насобираешь их в подол, принесешь домой и сваришь такой ароматный грибной суп, забелив его молочком, что не жуй, не глотай, с диву брови поднимай — так вкусно!

Все работы на земле трудны, но самая горячая пора — уборка урожая. Я еще помню, как после войны женщины нашего села жали серпами. Мама приходила вечером с жатвы, чуть переступив через порог, бросала на некрашенный пол в сених какой-нибудь половичок и падала на него от усталости.

С каждым годом техники в колхозе прибавлялось, пошли косилки, потом комбайны. Нас, детей, занимали на токах. Зерно перелопачивали, веяли, сушили. Старших посылали отвозить зерно на элеватор на машинах. Станция Бряндино, где был элеватор, находилась от нашего села за 5 километров, туда стекался огромный поток машин из ближайших сел. Пока везем зерно с тока на станцию, поем во весь голос. Из других сел везут — тоже поют. А вот на чьей машине голосистей поют? Мне кажется, мы пели лучше всех. «За грибами в лес девчонки гурьбой собрались» — так и раздавалось по полям.

Куплетов у песни было много, поешь ее, бывало, долго-долго. Были и «Скакал казак через долину», и «По Дону гуляет», и «Ой ты, Галя» и другие.

В мае 1987 года меня пригласили в Иваново принять участие в концертах фестиваля «Красная гвоздика». К сожалению, в Палехе у меня не было концертов, но друзья, которые у меня в Иваново появились, устроили мне поездку туда. Мы присоединились к одной группе туристов, посмотрели все, что намечено по плану, а в конце я спела отрывок из былины про Добрынюшку. Для туристов это было полной неожиданностью. В глазах восторг, удивление, у некоторых — слезы. Ведь только что на чудо-шкатулках они видели

сюжеты из русских былин, а тут звучит песнь о Добрынюшке.

Познакомилась с художницей Палеха Анной Семеновной Кравцовой. И когда после чудесного русского гостеприимства с блинами, чаем, медом я спела «Горе мое» — песню А. И. Глинкиной, Анна Семеновна сказала, растроганная, что в этой песне — все, чем жива душа человеческая.

А недавно я поехала на концерт в г. Ревду, где жила когда-то несколько лет, работала, училась в вечерней школе, пела в самодеятельности. Ревдинцы считают меня своей землячкой. Слушатели были прекрасные, но в конце концерта одна женщина встала и спросила: «А когда же будете петь русские песни?..»

В зале наступила тишина. Потом на женщину зашикали, но она продолжала: «Песни, которые вы пели, и я, и другие не знают, и петь никто не будет».

Выключили свет в зале, и на сцене при полной тишине я во всю силу своего голоса отчаянно запела «Где живет моя милая». После песни люди долго сидели молча, и только потом раздались аплодисменты...

Как-то состоялся у меня концерт в Свердловске на межсоюзных профсоюзных курсах, где были слушатели из многих городов и разных национальностей. Там я тоже с горечью говорила о своей боли — об утрате любви к народной песне. В конце встречи спросила, будут ли какие вопросы. Поднялся молодой якут на сцену, сказал слова благодарности и спел якутскую величальную песню. Потом вышли еще несколько парней, и мы, взявшись за руки, плясали якутский круговой танец. Было совсем неважно, что мы не знали движений танца, но какое родство душ, какое единение! После концерта расстались друзьями и словно родными людьми.

Весной 1986 года я выступала на Дальнем Востоке — в Находке, Артеме, Владивостоке. Концерты в основном проходили на кораблях. Капитаны некоторых судов «угощали» меня заморской музыкой, льющей из японских установок, а мне думалось: и слушать-то мои сердешные песни не будут, так вытеснили их западные ритмы из душ молодых. Но как же было отрадно, когда капитан одного ледокола сказал, что после нашей встречи он снова почувствовал себя русским человеком.

Осенью того же года были гастроли по Русскому Северу. Когда я сошла с поезда в Архангельске, комок к горлу подступил — ведь здесь жила, бывала когда-то моя любимая «Махоня» — Мария Дмитриевна Кривополенова. В ней для

меня воплощение всего доброго, человеческого, материнского, беспредельная любовь к народным песням и старине.

На другой день, в воскресенье, поехала с экскурсией по городу, а потом в музей деревянного зодчества — Малые Карелы. И каково же было мое изумление: ни один экскурсовод ни слова не сказал ни о М. Д. Кривополеновой, ни о Б. В. Шергине, ни о С. П. Писахове — великих песенниках Русского Севера. С горечью сказала об этом. Мне ответили, что рассказывают об этих людях только детям...

Вечером у меня был концерт для рыбаков в общежитии, я и там спросила, кто такая М. Д. Кривополенова, «Махоня», — парни молчали. Знала кое-что о ней только воспитатель этого общежития.

А вот и Вологда с ее древними соборами, храмами, кремлем! Ну, уж, думаю, тут-то возрадуется моя душа от общения с людьми, которым дорого народное творчество. Только рано я радовалась. В аэропорту администратор сказала, что меня отправят в г. Череповец. На следующий день выезд в 2 часа дня. С 13-ти сижу в номере, жду-жду. Уж и 18 часов — никому до меня нет дела. Звоню заместителю директора, объясняю ситуацию. Он говорит, что в г. Череповце на мой концерт продано всего два билета и ехать туда нет смысла.

В концертном зале тоже не проданы билеты. Где же пройдут мои концерты? Думаю, в общежитии. Ничего и общежитие, если там все организовано. А то ведь в Мурманске приехали в общежитие, а там — лишь от руки написанное объявление, что в красном уголке будет концерт такой-то и танцы. Вот и вся организация. А ведь в областных филармониях известно за год, кто и когда у них выступает по плану. Разве нельзя организовать на концерты тех, кому это важно, нужно, интересно. Руководители объясняют: так нынче много исполнителей, что зрителей невозможно собрать. Так ведь те слушатели, которым, как и организаторам, безразлична судьба народной культуры, они и не пойдут на такие концерты, как мой.

Прошлась по Вологде днем — нигде ни одной афиши. А как же узнать, что происходит в культурной жизни города? Никаких объявлений по радио, по телевидению. Мои концерты прошли в общежитиях, где было человек по десять слушателей.

В Мурманской филармонии был концерт в г. Коле, в краеведческом музее. Пришли на него те люди, с которыми говоришь душой. Это был праздник для меня и слушателей.

Было много педагогов музыкальной школы. На следующий день мы договорились, что я приеду к ним на встречу в школу. Зал был переполнен детьми и взрослыми. Педагоги меня предупредили, что будут еще и гости — дети из интерната и что они могут шуметь. Но какие это были дети, как они слушали меня, раскрыв глазенки. Целый час сидели не шелохнувшись. Бедные дети, им же нужно общение! Наши предки это знали лучше нас. А мы сейчас сами-то и сказки не рассказываем нашим детям. Поставим пластинку — и пусть себе общается ребенок с механической няней. Согласна с тем, что если бы А. С. Пушкин слушал не сказки и песни своей няни Арины Родионовны, а современную музыку, то был бы, наверное, не Пушкиным, а Дантесом.

С песнями Трушиной Ольги Владимировны познакомилась совсем недавно. Вышли две ее пластинки с нотами и текстами. Эту певицу «открыли» фольклористы-собиратели Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР летом 1981 года. Всю свою жизнь проработала она на селе в Кардышовском районе Смоленской области. Как сказала музыковед Г. Павлова, «есть в смоленских песнях особая прелесть — напевы их малы по диапазону, нет в них широкого распева, они похожи на полевые цветы — такие же скромные, бесконечно милые». Вот несколько таких песен.

Коло саду Ванька ходить

1. Коло саду Ванька ходить,
Коло саду Ванька ходить
З вострою косою.
2. Чужу травку Ванька косить,
Чужу травку Ванька косить —
Своя сохнуть, вянуть.
3. Чужих девок Ванька любить,
Чужих девок Ванька любить —
Своя слезно плачеть.
4. «Ты не плачь, моя милая,
Ты не плачь, моя милая,—
У мяне есть другая.
5. А и как тябе стошнится,
А и как тябе стошнится,
Ой, выйди за ворота.

6. А ты выйди за ворота,
А ты выйди за ворота —
М(а)хи все, болоты.
7. А ты выйди за другие,
А ты выйди за другие —
Луги зеляные».
8. Как у тех же у лужочках,
Как у тех же у лужочках
Ванька сено косить.
9. Ой, он косить, мимо ходить,
Ой, он косить, мимо ходить,
Ко мне не заходить.

$\text{♩} = 76$

Ко-ло са-ду Вань-ка хо-дить,
ко-ло са-ду Вань-ка хо-дить з вост-ро-ю ко-со-ю.
Чу-жу трав-ку Вань-ка ко-сить
чу-жу трав-ку Вань-ка ко-сит, сво-я сох-нетъ, вя-нетъ.

Голова моя болить

1. Голова моя болить,
Не могу я в горе жить,
Не могу я в горе жить.
2. Я заплачу, затужу,
Вдоль деревенки пройду,
Вдоль деревенки пройду.
3. Вдоль деревенки пройду,
На кладбища я взайду,
На кладбища я взайду.

4. На кладбища я взайду,
К могилочке приляжу,
К могилочке приляжу.
5. К могилочке приляжу,
Свойго дружка побужу,
Свойго дружка побужу.
6. «Ох, как дружок, не ляжи,
Мойму горю помоги,
Мойму горю помоги».
7. «Иди милка, не гукай,
К своему горю привыкай,
К своему горю привыкай».

$\text{♩} = 72$

Го-ло-ва мо-я бо- лить, не мо-гу я в го-ре жить,
не мо-гу я в(ы) го-ре жить.
Я за-пла-чу, за-ту- жу, вдоль де-ре-вен-ки прой-ду,
вдо-л(е) де-ре- ве-н(а)-ки п(а)- рай-ду.

А в андреевом, да и в домику

1. А в андреевом, да и в домику¹
2. Мы собралися да бседаим,
3. Только нету з нами одной Нюрочки.
4. А и Нюрочка на пороге стоить,
5. На пороге стоить, за порядком слядить.
6. «Ай, спасибо тебе, мой хозяинушка,
7. А в твоём у дому все порядочик,
8. Тесовые столы позаставлены,
9. Хлебом-солею позаставлены,
10. А все родной пособраны,
11. Не забыл жа ты про соседушек».
12. «Ах ты, Нюрочка, моя женушка,

¹ Каждая строчка песни повторяется дважды.

13. А ти все ж табе тут понравилось?»
14. «Только одно мне тут не нравится —
15. А что дети плачут, убиваются.
16. А моя душа в слезах заливается».

$\text{♩} = 44$

А в анд-ре-е-вом, да и в до-ми-ку,
а в анд-ре-е-вом, да и в до-ми-ку
мы со-бра-ли-ся да бя-се-да-им,
мы со-бра-ли-ся да бя-се-да-им.

Разлилась, разлилась речка быстрая

1. Разлилась, разлилась речка быстрая¹.
2. Через тую речку перекладинка ляжить.
3. Там ишли-прошли три сестричушки.
4. Они шли-ишли, разговаривали.
5. «А кому из нас наперед идить?»
6. Старшая сестра наперед пошла.
7. Перекладинка обломилась.
8. Старшая сестра утопилась.
9. Там ишел-прошел яё брат родной.
10. «Не ходи, братец мой, по крутому беряжку,
11. Не топчи, братец мой, шелковую траву,
12. Не сбивай, братец мой, белы камушки,
13. Не лови, братец мой, белу рыбицу.
14. Не мути, братец мой, ты рячную воду.
15. Ты ня пей, братец мой, ключавую воду.
16. А крутой беряжок — это грудь моя.
17. Шелковая трава — это волос мой.
18. Белы камушки — это глазки мои.
19. Бела рыбица — это тело мое.
20. А речная вода — это слезки мои.
21. Ключавая вода — это кровь моя.

¹ Каждая строчка песни повторяется дважды.

$\text{♩} = 66$

Раз-ли-ла-ся, раз-ли-лась реч-ка быст-ра-я,
 раз-ли-ла-ся, раз-ли-лась реч-ка быст-ра-я.
 Че-рез ту-ю реч-ку пе-ре-кла-дин-ка ля-жить,
 че-рез ту-ю реч-ку пе-ре-кла-дин-ка ля-жить.

Еще будучи студенткой, я ездила в Ульяновскую область — в свои родные места, где записала множество песен, вошедших в мой исполнительский репертуар. Приведу некоторые из них.

Прыгнул козел в огород

1. Прыгнул козел в огород(ы)¹.

Припев: А барыня, в огород
 Сударыня, в огород².

2. Всю капусту перглодал,
 Кочетушки перломал.
3. Устюшкина мать добра
 Повела козла за рога.
4. В первом торге — рубль дают,
 Во втором-то — два дают.
5. В третьем торге — три дают.
6. На руб(ы)ль куплю белил,
 На другой куплю чернил.
7. На третий куплю румян.

¹ Единичные строфы поются дважды.

² Припев поется после каждой строфы.

8. Набелюсь я — белый снег,
Начернюсь я — черна грязь.
9. Нарумянюсь — алый цвет.
10. Приехал муж из Москвы.
11. — Зачем, баба, белая?
12. — Сударь, муку сеяла, да.
13. — Зачем, баба, румяна?
14. — Перед пылом стояла.
15. — Зачем, баба, черная?
16. — Об челнок мазнулася.

С ускорением. Весело. Быстро

1. При-гнул ко-зёл в о-го-ро-д(ы), при-гнул ко-зёл

в о-го-род. А ба-рыня, в о-го-род, су-да-рыня, в о-го-род.

Ходит свахонька

1. Ходит свахонька
По двору, по двору.
2. На ней шуба новая
До полу, до полу.
3. Что первая полынька
Сто рублей, сто рублей.
4. Что вторая полынька
Тысячу, тысячу.
5. На ней шуба новая —
Цены нет, цены нет.

Восхваляя. Уважительно. Медленно ♩ = 52

1. Хо-дит сва-хонь_ка по дво-ру,
по дво-ру. На ней шу-ба но-ва_я
до по-лу, до по-лу.

У ключа, ключа студеньва

1. К ключа, ключа студеньва, да
У колодичка глубоковыа.
2. Там ходила красна девушка, да,
Умывалася трюмя мыльцами.
3. Перво мылице симбирское, да,
Второ мылице казанское,
4. Второ мылицо казанское, да,
Третье мылице московское.
5. С симбирского лица белитца, да,
С казанского разгораетца.
6. С казанского разгорается, да,
С московского разрумянитца.

Весело. Быстро ♩ = 144

Одна *Все*
1. У клю-ча, клю-ча сту-де-ны-ва, да,
у ко-ло-ди-чка глу-бо-кы-ва...

В чистом поле при раздолье

1. В чистом поле при раздолье, да,
Люли, люли, при раздолье, да¹.
2. Соловушки распевали, да,
Люли, люли, распевали, да.
3. В саду девушки гуляли, да,
Люли, люли, да гуляли, да.
4. Свою долю проклинали, да,
Люли, люли, проклинали, да:
5. «Распроклята наша доля, да,
Люли, люли, наша доля, да!
6. Кто жонатова полюбит(ы),
Люли, люли, да полюбит(ы),
7. Тот навеки дурак будет(ы),
Люли, люли, дурак будет(ы).
8. Придет домой — спать ляжитца, да,
Люли, люли, да ляжитца, да.
9. Все жоне своей расскажет(ы),
Люли, люли, все расскажет(ы).
10. Девчоночке стыдно будет(ы),
Люли, люли, стыдно будет(ы).
11. Станет плакать и рыдати, да,
Люли, люли, да рыдати».

Широко. Умеренно $\text{♩} = 72$

1. В чи - стом по - ле при ра - здоль - е, да,
лю - ли, лю - ли, при ра - здоль - е, да.

¹ Вторая строчка песни поется дважды.

Как на горочке, горочке

1. Как на горочке, горочке,
На высоком на пригорочке.

Припев: Ох ли, да, ох, люли, люли, люли,
На высоком на пригорочке¹.

2. Там стояли два дубчика,
На дубчике два голубчика сидят.
3. На дубчике два голубчика сидят,
Промежду себя воркуют-говорят.
4. Промежду себя воркуют-говорят.
Девчоночку и ругают, и бранят.
5. Девчоночку и ругают, и бранят,
Добра молодца высхваливают.
6. Еще нет у нас такого молодца,
Что Ивана-то Петровича.

Весело. С плясом. Быстро ♩ = 144

1. Как на го-ро-чке, го-ро-чке, на вы-
-со-ком на при-го-ро-чке. Ох ли, да, ох, лю-
-ли, лю-ли, лю-ли, на вы-со-ком на при-го-ро-чке. 2. Там сто-
-я-ли два ду-бчи-ка, на дуб-чи-ке два го-
-лу-бчи-ка си-дят, ох ли, да, ох, лю-ли, лю-ли, лю-
-ли, на ду-бчи-ке два го-лу-бчи-ка си-дят.

¹ Припев поется после каждой строфы.

7. Он с тыщи на тыщу ступал,
Миллионами ворота запирал.
8. Миллионами ворота запирал,
Красных девушек рублевочкой дарил.
9. Красных девушек рублевочкой дарил,
По копеечке в дорожку бросал.

Возле мосту, возле речки

1. Возле мосту, возле речки, эх! (2 раза)
Возле мосту, возле речки
По канавке, да. (2 раза)¹
2. По канавке растет травка, эх!
По канавке растет травка
Муравая, да.
3. Я по той траве ходила, эх!
Я по той траве ходила,
Я гуляла, да!
4. С руки перстень я колечко, эх!
С руки перстень я колечко
Потеряла, да.
5. Ой, и кто колечко найдет, эх!
Ой, и кто колечко найдет
И поднимет, да.
6. Я тому бы за работу, эх!
Я тому бы за работу
Заплатила, да.
7. Заплатила среди торгу, эх!
Заплатила среди торгу
На базаре, да.
8. На базаре на прилавке,
На базаре возле лавки, эх!
На базаре возле лавки
У Анютки, да.

¹ Все строфы строятся аналогично.

Задорно. Быстро ♩ = 120

1. Во_ зле мос_ ту, во_зле ре_ чки,
 во_ зле мос_ ту, во_зле ре_ чки, эх!
 Во_зле мо_сту, во_зле ре_чки, по ка_на_ вке. //_ке, да.

Ни бела заря

1. Ни бела заря, } (2 раза)¹
 Ни бела заря }
 В окошко вошла. (2 раза)
2. Ни светел месяц,
 Ни светел месяц
 Дорожку просвещал.
3. Мой-то миленький,
 Мой-то миленький
 Уехал в дальний путь.
4. Со дороженьки,
 Со дороженьки
 Словечко наказал.
5. — Ты не плачь, не плачь,
 Ты не плачь, не плачь,
 Красавица моя.
6. Не рони слезы,
 Не рони слезы
 По белому лицу.

У реки, у речки

1. У реки, у речки
 Лежат две дощечки.

¹ Все строфы строятся аналогично.

Весело. Быстро ♩ = 124

1. Ни бе-ла за-ря, ни
бе-ла за-ря, ни бе-ла за-ря во-ко-шко взо-
шла, ни бе-ла за-ря во-ко-шко взо-шла.

Припев: Из-под виль, виль, дон, дон, дон,
Лежат две дощечки¹.

2. Девка платье мыла,
Туго выжимала.
3. Туго выжимала,
Друга поджидала.
4. Едет мой размилый
На вороном коне.
5. На вороном коне,
В сером балахоне.
6. Чтобы конь напился,
Ковер не смочился.

Весело. Умеренно ♩ = 72

1. У ре-ки, у ре-чки ле-жат две до-
ще-чки, из-под виль, виль, дон, дон, дон,
ле-жат две до-ще-чки. 2. Де-вка пла-тье мы-ла,
ту-го вы-жи-ма-ла. Из-под виль, виль,
дон, дон, дон, ту-го вы-жи-ма-ла.

¹ Припев поется после каждого куплета.

Я посею свое горе

1. Я посею свое горе¹
По чистому полю.
2. Уродилось мое горе —
Не рожь, не пшеница.
3. Травынька все муровая,
С алыми цветами.
4. Уж и все цветы алые,
Один всех алее.
5. Уж и все дружки милые,
Один всех милее.
6. «Мальчишечка бел-кудрявый,
Холост, неженатый,
7. Что ж ты редко в гости ходишь,
Не долго гостюешь?

Решительно, Широко $\text{♩} = 104$

The musical score is written in a single system with two staves. The first staff is the vocal line, and the second staff is the piano accompaniment. The key signature has one flat (B-flat), and the time signature is 2/4. The tempo is marked as 104 beats per minute. The melody is simple and rhythmic, with a clear emphasis on the lyrics. The lyrics are written below the notes, with hyphens indicating syllables that span across notes. The score is divided into two parts, 1 and 2, corresponding to the first and second verses of the song.

1. Я по - се - ю 'сво - е го - ре, я по - се - ю
сво - е го - ре по чи - сто - му по -
лю, по чи - сто - му по - лю.

2. У - ро - ди - лось мо - е го - ре, у - ро - ди - лось
мо - е го - ре - не рожь, не пше - ни -
ца, не рожь, не пше - ни - ца.

¹ Каждая строка песни исполняется дважды.

8. Одну ночь ночуешь,
Все (е) протоскуешь?»
9. Что-то долго солнца нет —
Роса ниспадает.

Как по морю

1. Как по морю¹,
Как по морю, морю синему.
2. Плывет лебедь,
Плывет лебедь со лебедушкой.
3. А утушка,
А утушка со утками.
4. Со малыми,
Со малыми лебедятами.
5. Плымши лебедь,
Плымши лебедь встрепенулася.
6. Сине море,
Сине море всколыхнулося.
7. Де не взялся,
Де не взялся млад сизой орел².

Протяжно, Сдержанно

Запев

1. Как по морю, ды как по мо -

-рю, как по морю, морю си - и - не -

-му, как по морю, морю си - и - не - му.

¹ Каждая строка песни поется дважды.

² Песня дается в сокращении.

В заключение я хотела бы сказать, что и в наш беспокойный век истоки народного творчества питают высокую поэзию (Н. Тряпкин, Н. Рубцов), музыку (Г. Свиридов, В. Гаврилин), прозу (В. Белов, В. Астафьев, В. Распутин), живопись (К. Васильев), скульптуру (В. Клыков), вносят в нашу душу лад, подвигают на борьбу за сохранение жизни на Земле, за самую эту Землю и за ту ее шестую часть, которая зовется светлым словом «Русь». С большой радостью и вдохновением читаю я обычно на своих концертах «Заклинание о Русской Земле» нашего замечательного современника, универсально одаренного человека М. Волошина. Смотрю в это время в зал, чувствую, как навстречу мне так же радостно и вдохновенно распахиваются людские сердца, и думаю: наверное, путь к объединению их только один — через красоту и знание. М. Волошин дает нам это ощутить сполна. Вот оно — «Заклинание...»

Сорок ден опостясь,
Встану я помолясь,
Пойду перекрестясь,
Из дверей в двери,
Из ворот в ворота,
Утренними тропами,
Огненными стопами,
Во чисто поле,
На бел-горюч камень.

Стану я на восток лицом,
На запад хребтом,
Оглянусь на все четыре
стороны,

На семь морей,
На три океана,
На семьдесят семь племен,
На тридцать три царства,
На всю землю
Святорусскую.

Не слышать людей,
Не видать церквей,
Ни белых монастырей,
Ни крестов, ни дворцов,
Ни дворцов, ни хлебов:
Лежит Русь разоренная,
Окровавленная, опаленная;

По всему Полю Дикому
Великому
Кости сухие, пустые,
Мертвые, желтые,
Саблей сечены,
Пулей мечены,
Коньми топтаны.

Ходит по Полю
Железный Муж,
Бьет по костям
Железным жезлом:
«С четырех сторон,
С четырех ветров
Дохни, дух,
Оживи кость».
Не пламя гудит,
Не ветер шуршит,
Не рожь шелестит,—
Кости шуршат,
Плоть шелестит,
Жизнь разгорается...

Как с костью
кость сходится,
Как плотью
кость одевается,
Как жилой плоть зашивается,
Как мышцей плоть
собирается,—

Ты встань, Русь, подымись,
Оживи, соберись, срастись,
Царство к царству,
племя к племени!

Кует кузнец
Золотой Венец,
Обруч кованый:
Царство Русское собирать,
Сковать, заклепать,
Крепко-накрепко,
Туго-натуго,
Чтоб оно,
Царство Русское,
Не рассыпалось,

- Сапогова Е. А.**
Н12 На привольной стороне.— М.: Сов. Россия, 1989.— 80 с.: ноты.— (Б-чка «В помощь худож. самодеятельности»; № 2)

Исполнительница народных песен, народная артистка РСФСР Елена Сапогова рассказывает о своем творчестве, о трудностях, с которыми приходится встречаться народным талантам в нынешних условиях, и о победах, которые каждый празднует в меру своих способностей, осознания важности своего дела. В сборнике приводится множество песен из репертуара Елены Сапоговой, записанных в различных областях России ею и другими авторами, а также несколько былин и притчей.

Елена Андреевна Сапогова
НА ПРИВОЛЬНОЙ СТОРОНЕ

Редактор **З. Г. Антипенко**
Художник **В. М. Прокофьев**
Художественный редактор **Е. Н. Заломнова**
Технический редактор **Г. П. Мартынова**
Корректор **Л. М. Логунова**

Сдано в набор 14.09.88. Подписано в печать 23.12.88. Формат 84×108/32. Бумага типогр. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,20. Усл. кр.-отт. 4,62. Уч.-изд. л. 4,06. Тираж 72 188 экз. Заказ 1303. Цена 20 к. Изд. инд. БХС-64.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 144003, г. Электросталь, Московской области, ул. Тевосяна, 25.

20 к.

ИНДЕКС 73024

2

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

